

КЛАССИКА И ДЕТЕКТИВА

Дик Фрэнсис

ВТОРАЯ
РУКА

« И Н О С Т Р А Н К А »

Сид Холли

Дик Фрэнсис

Вторая рука

«Азбука-Аттикус»

1979

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

Фрэнсис Д.

Вторая рука / Д. Фрэнсис — «Азбука-Аттикус», 1979 — (Сид Холли)

ISBN 978-5-389-22254-0

Дик Фрэнсис (1920–2010) — один из самых именитых английских авторов, писавших в жанре детектива. За свою жизнь он создал более 30 бестселлеров, получивших международное признание. Его романы посвящены преимущественно миру скачек — Фрэнсис знал его не понаслышке, ведь он родился в семье жокея и сам был знаменитым жокеем. Этот мир полон азарта, здесь кипят нешуточные страсти вокруг великолепных лошадей и крупных ставок в тотализаторах, здесь есть чем поживиться мошенникам. Все это и послужило материалом для увлекательных романов, ставших бестселлерами во многих странах мира.

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-389-22254-0

© Фрэнсис Д., 1979
© Азбука-Аттикус, 1979

Содержание

Вторая рука	6
Пролог	6
Глава 1	7
Глава 2	14
Глава 3	25
Глава 4	33
Глава 5	42
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Дик Фрэнсис

Вторая рука

Dick Francis

WHIP HAND

Copyright © 1979 by Dick Francis

© А. С. Хромова, перевод, 2022

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2022 Издательство Иностранка®

* * *

Вторая рука

Пролог

Мне снились скачки.

Ничего удивительного. Я участвовал в тысячах скачек.

Мне снились препятствия. Снились лошади, снились жокеи в куртках всех цветов радуги, снились мили и мили зеленой травы. Толпы народу на трибунах, овалы лиц – просто пятна телесного цвета, неразличимые отсюда, где я лечу мимо, пригнувшись и привстав на стременах, весь вложившись в скорость.

Я видел разинутые рты и, хотя не слышал ни звука, знал, что все орут.

Орут, повторяя мое имя, желая мне победы.

Победа – это все. Победа – моя работа. То, чем я живу, к чему стремлюсь, ради чего родился на свет.

Там, во сне, я выиграл скачку. Рев толпы сделался торжествующим, и это торжество вознесло меня на своих крыльях, точно океанская волна. Но суть была не в торжестве – суть была в победе.

Проснулся я в темноте, как бывало часто. На часах – четыре утра.

Вокруг тишина. Никакого радостного рева. Просто тишина.

Я все еще чувствовал, как мчусь вперед вместе с конем, как переливаются мышцы в наших напряженных телах, двигаясь вместе, сливаясь воедино. Я чувствовал стремена на ногах, шенкеля, стискивающие бока лошади, равновесие, чувствовал вытянутую гнедую шею прямо напротив своего лица, и гриву, лезущую в рот, и поводья в руках...

Тут я очнулся во второй раз. Уже по-настоящему. Тот момент, когда я заворочался, открыл глаза и вспомнил, что больше мне в скачках не участвовать. Никогда. И меня заново, как в первый раз, ожгло болью утраты. Такие сны – они для здоровых, неискаленных.

Мне они снились очень часто.

Дурацкие, бесполезные сны.

В жизни, конечно, все иначе. Забываешь сны, встаешь, одеваешься и живешь дальше как можешь.

Глава 1

Я вынул из руки аккумулятор, вставил его в зарядное устройство и осознал это только десять секунд спустя, когда пальцы почему-то отказались сгибаться.

«Как странно», – подумал я. Зарядка аккумулятора и все связанные с этим действия настолько стали второй натурой, что я проделал это машинально, помимо сознательных усилий, как зубы почистил. Только тут я впервые понял, что наконец-то заставил свое подсознание – по крайней мере, наяву – смириться с тем фактом, что вместо левой руки у меня теперь устройство из металла и пластика, а не из мышц, костей и крови.

Я развязал галстук, небрежно бросил его поверх пиджака, лежащего на кожаном подлокотнике дивана, потянулся и вздохнул с облегчением: наконец-то дома! Вслушался в привычную тишину квартиры и, как обычно, ощутил, как жесткие тиски внешнего мира разжимаются под действием долгожданного покоя.

Нет, наверно, эта квартира была скорее убежищем, чем домом. Уютная, да – но не сказать, чтобы неспешно и любовно обустроенная. Наоборот, покупалось все единым махом, за один заход в магазин: «Мне, пожалуйста, это, это и вот это... и отправьте как можно быстрее, будьте любезны». Как-то оно все со временем притерлось, однако теперь не осталось ничего такого, что мне было бы больно потерять. А если это защитный механизм – что ж, по крайней мере, я это осознавал.

Я расслабленно бродил по квартире без пиджака и без тапочек. Включил теплые лужицы настольных ламп, вразумил привычным шлепком капризный телевизор, налил себе малость виски с устатку, а вчерашнюю посуду решил пока не мыть. Стейк в холодильнике есть, деньги в банке тоже, и кому, вообще, нужна еще какая-то цель в жизни?

Я уже привык большую часть дел делать одной рукой – так было быстрее. Хитроумная искусственная рука, работающая при помощи электромагнитов на электрических импульсах, производимых тем, что осталось от моего предплечья, умела разжиматься и сжиматься не хуже тисков, но очень уж неспешно. Зато с виду она была почти как настоящая – вплоть до того, что некоторые люди даже не замечали, что она искусственная. На ней имелись и ногти, и длинные выступы связок, и синие полоски сосудов. Оставаясь один, я пользовался ею все реже и реже, однако предпочитал, чтобы она была при мне.

Я рассчитывал прожить этот вечер не хуже, чем многие другие. Развалился на диване, задрав ноги, согнув колени, с пузатым стаканчиком под рукой, готовясь наслаждаться чужой жизнью на небольшом экранчике. Когда на середине довольно милой комедии кто-то позвонил в дверь, я был несколько раздосадован.

Я встал скорее неохотно, нежели с любопытством, пристроил стаканчик на пол, нашарил в карманах пиджака запасной аккумулятор, который всегда там носил, и вставил его в гнездо на руке. Потом застегнул обшлаг рукава поверх пластмассового запястья, вышел в тесную прихожую и посмотрел в дверной глазок.

Никаких неприятностей за дверью не наблюдалось – разве что неприятности приняли облик леди средних лет в голубой косынке. Я отворил дверь и вежливо сказал:

– Добрый вечер! Чем могу служить?

– Сид, – сказала она, – можно войти?

Я пристально посмотрел на леди. Кажется, мы с ней незнакомы. Однако же очень многие незнакомые люди запросто называли меня по имени. Я всегда принимал это как комплимент.

Из-под косынки выбивались жесткие темные кудри, глаза прятались под темными очками, ярко-алая помада привлекала внимание к губам. Поведение женщины выдавало ее смущение, и она, похоже, дрожала под своим свободным бежевым плащом. Казалось, она пре-

бывала в уверенности, что я ее узнаю, но на деле произошло это только тогда, когда она нервно оглянулась через плечо и я увидел ее профиль на светлом фоне.

Но и тут я не уверился до конца и осторожно спросил:

– Розмари?

– Послушай, – сказала она, протиснувшись мимо меня, как только я распахнул дверь пошире, – мне просто необходимо с тобой поговорить!

– Ну... входи, что ли.

Пока я запираю входную дверь, она остановилась перед зеркалом в прихожей и принялась развязывать косынку.

– Господи, ну и видок у меня!

Узел никак не хотел развязываться – пальцы у нее слишком сильно дрожали. Наконец она досадливо фыркнула, задрала обе руки и попросту стянула косынку с головы. Вместе с косынкой снялись и черные кудри, и я увидел куда более знакомую каштановую гриву Розмари Каспар, которая уже пятнадцать лет звала меня «Сидом».

– Господи, – повторила она, пряча в сумочку темные очки и доставая платок, чтобы стереть эту жуткую кричащую помаду, – я не могла не прийти! Я не могла не прийти!

Я смотрел на ее трясущиеся руки, слушал срывающийся голос и думал о том, сколько людей в таком состоянии я повидал с тех пор, как сделал своей профессией чужие беды и невзгоды.

– Идем, я тебе налью, – сказал я, понимая, что она и нуждается в этом, и ожидает этого. Эх, пропал мой спокойный вечерок! – Тебе виски или джину?

– Джину... с тоником... да все равно.

Не снимая плаща, она прошла за мной в гостиную и плюхнулась на диван, как будто у нее ноги подогнулись. Я мельком глянул в ее мутные глаза, выключил хохот из телевизора и налил ей успокоительную дозу дешевого джина.

– На, – сказал я, протягивая ей стаканчик. – Ну и какие у нас проблемы?

– Проблемы! – на секунду взвилась она. – Проблемы – это слабо сказано!

Я взял свой стаканчик и уселся в кресло напротив нее.

– Я тебя сегодня видел издали на скачках, – сказал я. – На тот момент проблема уже существовала?

Она сделала большой глоток.

– Да, еще как! А как ты думаешь, почему я притащилась на ночь глядя в твою чертову квартирку, в этом дурацком парике, когда могла спокойно подойти к тебе прямо там, на скачках?

– Ну и почему же?

– Да потому, что мне меньше всего хотелось бы, чтобы меня видели беседующей с Сидом Холли на ипподроме или за его пределами!

Я несколько раз выступал на лошадях ее мужа, давным-давно, когда еще был жокеем. Когда я еще был достаточно легким для гладких скачек, до того, как перешел в стипль-чез. До успеха, до славы, до падения, до сломанной руки... короче, в былые дни. С бывшим жокеем Сидом Холли она свободно могла говорить в любой момент. Но к Сиду Холли, который не так давно перекавалифицировался в частные детективы широкого профиля, она могла прийти не иначе как в темноте и страхе.

Лет сорок пять ей было, наверное. Я впервые задумался об этом и только теперь осознал, что, несмотря на долгое шапочное знакомство, я никогда не приглядывался к ней достаточно внимательно, чтобы во всех подробностях запомнить ее лицо. Общее ощущение изысканной элегантности – это да, это я помнил. А опущенные кончики бровей и век, шрамик на подбородке, легкий, но заметный пушок на щеках – это все было для меня новостью.

Она вдруг подняла глаза и тоже стала пристально всматриваться в меня, словно и она никогда прежде как следует меня не разглядывала. Я подозревал, что для нее перемена оказалась куда более радикальной. Теперь я был уже не мальчишкой, которому она некогда довольно резко выдавала указания на предстоящую скачку, а мужчиной, к которому она пришла за помощью. Я успел привыкнуть к тому, что этот новый взгляд на меня вытесняет прежние, более непринужденные отношения. Мне не раз случалось сожалеть об этом, но ничего не попишешь, пути назад нет.

– Все говорят... – неуверенно начала она. – Ну, то есть... за прошлый год я не раз слышала...

Она откашлялась.

– Поговаривают, что ты человек толковый... очень толковый в таких делах. Но я просто не знаю... вот я пришла... и как-то оно все... ну, то есть... ты ведь жокей.

– Был жокеем, – сухо уточнил я.

Она мельком глянула на мою левую руку, но больше ничего говорить не стала. Она и так все знала. В мире скачек это все были прошлогодние новости.

– Может, все-таки объяснишь, что ты хотела? – спросил я. – Если я не сумею ничем помочь, то сразу так и скажу.

Мысль о том, что я, может, еще и не сумею ей помочь, всколыхнула ее страхи, и она снова принялась дрожать в своем плаще.

– А больше никого нет, – сказала она. – Мне больше не к кому обратиться. Я вынуждена поверить, что ты... что ты можешь все, что рассказывают.

– Ну я же не супермен какой-нибудь! – возразил я. – Я так, хожу и разнюхиваю.

– Ну... Господи ты боже мой...

Она допила свой стаканчик, стекло зазвенело, стуча о зубы.

– Господи, только бы...

– Да сними ты свой плащ наконец, – решительно сказал я. – Выпей еще джину. Сядь на диван и начни с самого начала.

Она, словно загипнотизированная, встала, расстегнула пуговицы, сбросила плащ и снова села.

– Я не знаю, с чего начать.

Она взяла налитый заново стаканчик и прижала его к груди. Под плащом на ней были кремовая шелковая блузка, рыжеватый кашемировый свитер, массивная золотая цепочка и черная юбка элегантного покроя – скромный повседневный наряд женщины, не знающей проблем с деньгами.

– Джордж в ресторане, – сказала она. – Мы решили заночевать в Лондоне. Он думает, я в кино пошла...

Джордж, ее муж, входил в первую тройку британских тренеров спортивных лошадей и, вероятно, в первую десятку всего мира. На ипподромах от Гонконга до Кентукки его чествовали как одного из великих. В Ньюмаркете, где он жил, Джордж был королем. Если его лошади выигрывали Эпсомское дерби, «Триумфальную арку» или Вашингтонский международный кубок, этому никто не удивлялся. Часть из лучших чистокровных лошадей всего мира год за годом стекалась в его конюшню, и сам факт, что лошадь стоит у Каспара, придавал ее хозяину определенный вес среди коневладельцев. Джордж Каспар мог себе позволить отказать любой лошади и любому владельцу. Ходили слухи, будто дамам он отказывает редко, но, если проблема Розмари состоит именно в этом, тут я ей не помощник.

– Он ничего не должен знать! – нервно сказала она. – Обещай не говорить ему, что я приходила, слышишь?

– Ну, обещаю, с поправкой на возможные обстоятельства.

– Этого мне мало!

– Больше ничем помочь не могу.

– Ты сам поймешь, – сказала она. – Ты поймешь почему... – Она отхлебнула джину. – Ему это, может, и не понравится, но он же с ума сходит от беспокойства.

– Кто, Джордж?

– Ну а кто ж еще? Джордж, разумеется. Не валяй дурака. Для чего еще я могла сюда заявиться в этом дурацком маскараде?!

Розмари сорвалась на визг и, похоже, сама удивилась. Она старательно сделала несколько глубоких вдохов и начала заново:

– Что ты думаешь о Глинере?

– Э-э-э... – протянул я. – Все были разочарованы.

– Полное фиаско! – сказала она. – Ты же знаешь.

– Ну да, бывает, – кивнул я.

– Нет, не «бывает»! Один из лучших двухлеток, которые когда-либо стояли у Джорджа. Блестяще выиграл три скачки для двухлеток. Всю зиму считался фаворитом «Гиней»¹ и дерби. Все говорили, что он станет одним из лучших. Что станет чудом.

– Ну да, – сказал я. – Я помню.

– И что потом? Прошлой весной он участвовал в «Гинейх». И спекся. Полный провал. О дерби ему даже и мечтать не приходилось.

– Ну, бывает, – повторил я.

Она бросила на меня раздраженный взгляд, поджала губы.

– А Зингалу? – спросила она. – Что, скажешь, и такое бывает? Два лучших жеребчика в стране, в два года подавали блестящие надежды, оба с нашей конюшни. И ни один не выиграл ломаного пенни в прошлом сезоне, в трехлетнем возрасте. Стояли в денниках, бодрые как огурчики, лопали как не в себя и ни к черту не годились!

– Ну да, тут есть над чем подумать, – согласился я, но не очень убежденно. Лошадь, не оправдавшая больших надежд, – это так же естественно, как дождь в выходные.

– Ну а Бетесда, годом раньше? – гневно зыркнула на меня Розмари. – Одна из лучших кобыл-двухлеток! Несколько месяцев считалась фавориткой «Тысячи гиней» и «Оукса». Потрясающая лошадь. Когда она выходила на старт «Тысячи», выглядела на миллион долларов. И пришла десятой. Десятой, чтоб тебя!

– Но ведь Джордж наверняка все проверил и перепроверил, – сдержанно сказал я.

– А то как же! Чертовы ветеринары всю конюшню облазили. Тесты, анализы – все. Все по нулям. Три блестящие лошади, все как одна, ни к черту не годятся. И никаких объяснений. Ничего!

Я тихонько вздохнул. С моей точки зрения – обычная история, со всяким тренером может случиться. И вовсе не повод для тайных визитов в париках.

– А теперь вот Три-Нитро, – ошарашила меня Розмари.

Я невольно выдохнул – только что не крикнул. Без Три-Нитро сейчас не обходилась ни одна колонка, посвященная скачкам. О нем говорили как о лучшем жеребчике десятилетия. Прошлой осенью, будучи двухлеткой, он затмил всех соперников, и почти никто не сомневался, что этим летом он будет звездой. Я видел, как он выиграл «Миддл-Парк» в сентябре в Ньюмаркете, с рекордным результатом, я, как наяву, видел его мчащимся по дорожке с почти невероятной скоростью.

– До «Гиней» всего две недели, – сказала Розмари. – Вот сегодня как раз четырнадцать дней. И предположим, что-то случится... опять что-то плохое... а вдруг и он провалится, как и те?..

---

¹ Имеется в виду «Две тысячи гиней», классическая британская скачка для трехлеток на ипподроме «Роули Майл» в Ньюмаркете. В упомянутой ниже скачке «Тысяча гиней» участвуют только кобылки-трехлетки.

Ее снова затрясло, но не успел я открыть рот, как она продолжила, повысив голос:

– Сегодня была единственная возможность... единственный вечер, когда я могла прийти... Джордж был бы вне себя. Он твердит, что ничего с конем не случится, что никто к нему даже близко не подойдет, что его стерегут как зеницу ока. Но он боится, я знаю! Весь как натянутая струна. Взвинчен до предела. Я ему предложила позвонить тебе и попросить покараулить лошадь, так он буквально взбесился. Не знаю почему. Никогда еще не видела его в такой ярости.

– Розмари... – начал я, качая головой.

– Послушай! – перебила она. – Я просто хочу, чтобы ты сделал так, чтобы с Три-Нитро перед «Гинеями» ничего не случилось. И все.

– И все...

– А что толку будет потом... если кто-то попытается что-то сделать... что толку будет жалеть, что я тебя не позвала? Я просто не вынесу этого. Я не могла не прийти. Просто не могла. Сид, скажи, что ты это сделаешь. Скажи, сколько ты хочешь, я заплачу.

– Да не в деньгах дело, – ответил я. – Ты пойми, не могу я караулить Три-Нитро так, чтобы Джордж ничего не знал, без его согласия. Это невозможно.

– Ты можешь, можешь! Я уверена! Ты ведь и раньше делал такое, про что все говорили, будто это невозможно. Я не могла не прийти. Я просто не переживу такого... и Джордж не переживет... три года подряд! Три-Нитро должен победить! Ты должен сделать так, чтобы ничего не случилось. Просто должен!

Ее вдруг затрясло еще сильнее, чем раньше. Похоже, надвигалась истерика. И я, скорее чтобы ее успокоить, чем всерьез думая, будто я способен исполнить ее желание, сказал:

– Ну ладно-ладно, Розмари. Я попробую.

– Он должен выиграть! – сказала она.

– Не вижу причин, почему бы ему не выиграть, – успокаивающе подтвердил я.

Она безошибочно уловила тон, которым я заговорил, сам того не заметив: скептический и снисходительный, намекающий на то, что все ее тревоги – не более чем фантазии впечатлительной дамочки. Я и сам заметил этот неприятный оттенок, увидел это ее глазами – и мне сделалось неловко.

– Господи, и зачем только я сюда пришла! Зря только время потратила, да? – с горечью бросила она и встала. – Ты такой же, как и все эти проклятые мужики. У тетки климакс, что с нее взять.

– Неправда! Я же сказал, что попробую.

– Ну да, конечно! – ядовито ответила Розмари.

Она нарочно раздувала свой гнев: ей сейчас просто необходимо было устроить скандал. Она практически швырнула в меня пустым стаканчиком, вместо того чтобы просто его отдать. Я попытался его поймать, но не сумел, стаканчик ударился о край журнального столика и разлетелся вдребезги.

Розмари окинула взглядом сверкающие осколки и затолкала оцетинившийся гнев обратно в коробочку.

– Извини, – отрывисто сказала она.

– Да ничего.

– Я просто переволновалась.

– Ну да, понятно.

– Надо все-таки сходить на этот фильм. А то ж ведь Джордж спросит...

Она накинула свой плащ и резкими шагами направилась к двери, по-прежнему дрожа всем телом.

– Не надо мне было сюда приходить. Но я думала...

– Розмари, – сказал я ровным тоном, – я обещал, что попробую, и я попробую.

– Никто не понимает, каково это...

Я вышел в прихожую следом за ней. Ее отчаяние сделалось осязаемым, как будто оно и впрямь висело в воздухе. Она взяла с тумбочки черный парик, нахлобучила его обратно на голову и принялась запихивать под него свои собственные волосы яростными, неласковыми тычками. Она ненавидела и себя, и этот маскарад, и меня – ненавидела свой приход сюда, и то, что пришлось врать Джорджу, и то, что приходится все делать с оглядкой, исподтишка. Она заново накрасила губы этой яркой помадой, сильнее, чем нужно, давя на тюбик, как будто хотела себя наказать; яростным рывком завязала узел на косынке и полезла в сумочку за темными очками.

– Я переодевалась в туалете на станции, – сказала она. – Как это все отвратительно! Но я не хочу, чтобы кто-то видел, как я отсюда выхожу. Потому что что-то происходит. Я это знаю. И Джордж боится...

Она стояла напротив входной двери и ждала, когда я ее отопру: стройная, элегантная женщина, выглядящая нарочито чудовищно. Мне пришло в голову, что ни одна женщина не стала бы так себя уродовать, не случись у нее беды настолько серьезной, что ей уже не важно, что о ней подумают. А я ничем ей не помог, и самое противное – из-за того, что я слишком долго знал ее совсем с другой стороны. Ведь это она всегда исподволь оказывалась в положении главной, а я с шестнадцати лет только и делал, что почтительно выполнял ее пожелания. Я подумал, что если бы я сегодня заставил ее разрыдаться, а потом пригрел, и обнял, и, может, даже поцеловал, я оказал бы ей куда большую услугу. Но между нами была стена, преодолеть которую было не так-то просто.

– Не надо мне сюда приходить, – повторила она. – Теперь я это понимаю.

– Так ты хочешь, чтобы я... что-нибудь предпринял?

Ее лицо судорожно исказилось.

– О господи... Ну да, хочу. Но это все ужасно глупо. Я просто обманывалась. Ты ведь, в конце концов, просто жокей... всего лишь жокей!

Я открыл дверь.

– Хотел бы я, чтобы это так и было, – сказал я, как бы между прочим.

Она посмотрела на меня невидящим взглядом, думая уже о том, как поедет обратно, как пойдет в кино, как будет пересказывать фильм Джорджу...

– Я не сумасшедшая! – сказала она.

Розмари резко повернулась и пошла прочь, не оглядываясь. Я провожал ее взглядом, пока она не направилась к лестнице и не исчезла из виду, не задержавшись ни на секунду. Я закрыл дверь и вернулся в гостиную. Меня преследовало ощущение, что я все сделал не так. Казалось, в гостиной сам воздух колыхнется от ее страстной мольбы.

Я нагнулся и подобрал с пола крупные осколки стекла, но на полу осталось слишком много крохотных стеклянных иголочек, так что лениться было нельзя. Я сходил на кухню за совком и веником.

Держать совок нужно было левой рукой. Если просто попытаться разогнуть настоящую руку, которой у меня больше не было, искусственные пальцы разжимались, начиная с большого. А если отправить прежний приказ согнуть руку внутрь, они сжимались. Между мысленным приказом и реакцией электрических приводов всегда была задержка в пару секунд, и научиться принимать в расчет эту паузу было самым трудным.

Разумеется, эти пальцы сами собой не могли регулировать силу захвата. Люди, которые настраивали мне руку, сказали, что секрет в том, чтобы научиться брать яйца. И поначалу я раздавил пару дюжин, пока тренировался. С тех пор мне случалось по рассеянности разбивать лампочки и сплющивать в блинчик сигаретные пачки. Собственно, потому я и пользовался чудесами науки куда реже, чем мог бы.

Я вытряхнул осколки в мусорное ведро и снова включил телевизор. Но комедия уже кончилась, а начало детектива я пропустил из-за Розмари. Я вздохнул, выключил телевизор, пожарил себе стейк, а когда поел, снял трубку и позвонил Бобби Анвину, работающему на «Дейли планет».

– Даром ничего не скажу! – заявил он сразу, как понял, кто на линии.

– А что возьмешь?

– Баш на баш.

– Заметано, – сказал я.

– Ну и что тебя интересует?

– Э-э-э... – начал я. – Ты тут пару месяцев назад опубликовал в вашем субботнем цветном приложении большую статью о Каспаре. Аж на несколько страниц.

– Было дело. Спецрепортаж. Исчерпывающий анализ успеха. «Дейли планет» делает серию ежемесячных репортажей обо всяких важных шишках: магнатах, поп-звездах и так далее. Препарируем их под микроскопом, а потом всем рассказываем, как они ухитрились дойти до жизни такой.

– Ты там с девицей, что ли? – спросил я.

Повисла короткая пауза, потом я услышал сдавленное девичье хихиканье.

– Иди ты в Сибирь со своей интуицией! – сказал Бобби. – С чего ты так решил?

– Даже и не знаю, от зависти, наверно.

На самом деле я просто хотел узнать, один он или нет, причем так, чтобы не было понятно, что это важно.

– Ты в Кемптоне завтра будешь?

– Наверно, да.

– Слушай, привези мне этот номер, а? С меня бутылка на твой выбор.

– Ладно-ладно. Будет тебе этот номер.

И без долгих церемоний бросил трубку. Остаток вечера я провел, листая отчеты с гладких скачек прошлых лет и прослеживая карьеры Бетесды, Глинера, Зингалу и Три-Нитро, но так ничего толком и не откопал.

Глава 2

В последнее время я завел привычку по четвергам обедать со своим тестем. Точнее, со своим бывшим тестем – адмиралом в отставке Чарлзом Роландом, отцом самого серьезного промаха в моей жизни. Его дочери Дженни я отдал всю преданность, на какую был способен, но в конце концов она потребовала невозможного: чтобы я бросил участвовать в скачках. Мы прожили вместе пять лет: два года в любви и согласии, два в раздоре и год на ножах. Теперь от всего этого оставались лишь зудящие полузажившие раны. Да вот еще дружба с ее отцом: она досталась мне нелегко, и теперь я ценил ее как единственное сокровище, спасенное в катастрофе.

Обычно мы встречались в полдень в баре на втором этаже отеля «Кэвендиш». Теперь перед нами на аккуратных соломенных салфеточках стояли у него – розовый джин, у меня – разбавленный виски, и мисочка с орешками.

– Дженни на выходных будет в Эйнсфорде, – сказал он.

Эйнсфорд – его дом в Оксфордшире. В Лондоне по четвергам у него была работа. Перемещался между ними он на «роллс-ройсе».

– Я буду рад, если и ты приедешь, – сказал он.

Я смотрел на тонкое, аристократическое лицо, слушал ненавязчивый, с ленцой голос. Тонкий, обаятельный джентльмен, который при необходимости прошьет тебя навывлет, как лазер. Человек, в чью порядочность я поверил бы даже у адских врат и от которого не приходилось ждать пощады.

Я ответил сдержанно, без злобы:

– Я не готов ехать туда, где меня будут клеветать.

– Она согласилась, чтобы я тебя пригласил.

– Не верю.

Он с подозрительной сосредоточенностью уставился на свой стакан. Я по долгому опыту знал: он на меня не смотрит, когда хочет от меня чего-то, что, как ему известно, мне не понравится. И так возникает пауза, пока он собирается с духом, чтобы поджечь фитиль. Судя по длине паузы, ничего приятного ожидать не приходилось. В конце концов он произнес:

– Я боюсь, у нее неприятности.

Я пристально смотрел на него, но он так и не поднял глаз.

– Чарлз, – в отчаянии начал я, – ну не можете же вы... вы не *можете* требовать... Ну вы же знаете, как она со мной теперь обращается!

– Ты ей тоже спуска не даешь, насколько я припоминаю.

– Ни один человек в здравом уме не полезет в клетку к тигру!

Он мельком взглянул на меня, губы у него слегка дернулись. Возможно, не всякому приятно, когда красавицу-дочь сравнивают с тигром.

– На моей памяти, Сид, – сказал он, – ты не раз входил в клетки с тиграми.

– Ну, с тигрицей! – поправился я шутливо.

Он тотчас же вцепился в меня:

– Так ты приедешь?

– Нет... По правде сказать, есть вещи, которых терпеть нельзя.

Он вздохнул и откинулся на спинку стула, глядя на меня поверх стакана с джином. Мне не понравился его рассеянный взгляд: это означало, что он еще не отказался от своих планов.

– Ну что, морской язык? – предложил он как ни в чем не бывало. – Зовем официанта? Пора бы уже и поесть, а?

Он заказал нам обоим морского языка – без костей, как обычно. Теперь-то я уже мог нормально есть на людях, но был у меня долгий неприятный период, когда все, что осталось от

моей руки, представляло собой уродливую, бесполезную корягу, которую я стыдливо прятал в карман. А к тому времени, как я наконец с этим свыкся, руку мне разбили снова, и я окончательно ее лишился. Наверно, это и есть жизнь. Достижения сменяются потерями, и если тебе удалось спасти хоть что-нибудь – пусть это всего лишь ошметки самоуважения, – оно поможет тебе пережить все, что будет дальше.

Официант доложил, что столик накроют через десять минут, и бесшумно удалился, прижимая стопку меню и блокнот для заказов к своему смокингу и серому шелковому галстуку. Чарлз бросил взгляд на часы, потом непринужденно окинул взглядом просторную, светлую, тихую гостиную, где другие такие же, как мы, сидели попарно в бежевых креслах, разбираясь с мирскими делами.

– В Кемптон сегодня поедешь? – спросил он.

Я кивнул:

– Первая скачка в два тридцать.

– Ты очень занят сейчас?

Для непринужденного вопроса это прозвучало вкрадчивей, чем нужно.

– Не поеду я в Эйнсфорд, – сказал я. – Пока там Дженни – не поеду.

Он немного помолчал, потом сказал:

– Лучше бы ты приехал, Сид.

Я молча смотрел на него. Он провожал глазами официанта из бара, несущего напитки куда-то в дальний угол, и обдумывал свою следующую фразу – дольше, намного дольше, чем следовало.

Наконец он откашлялся и сказал, словно бы в пространство:

– Дженни одолжила деньги... и, боюсь, свое имя тоже... некоему предприятию, которое, похоже, оказалось аферой.

– Что-что?! – переспросил я.

Он с подозрительной готовностью перевел взгляд на меня, но я перебил его прежде, чем он успел открыть рот.

– Нет уж, – сказал я, – если она это сделала, разбираться с этим – ваша епархия.

– Разумеется, она воспользовалась твоим именем, – сказал Чарлз. – Дженнифер Холли.

Я почувствовал, как ловушка захлопывается. Чарлз взгляделся в мое молчаливое лицо и тихо вздохнул с облегчением, – видимо, до сих пор его терзала тревога. «Умеет же он, – с горечью подумал я, – подцепить меня на крючок!»

– Ей приглянулся один мужчина, – бесстрастно сказал он. – Мне он не очень-то нравился, но, с другой стороны, мне и ты не очень-то нравился поначалу... и, по правде сказать, эта ошибка в суждении мне изрядно мешает, потому что я теперь не доверяю первому впечатлению.

Я съел орешек. Меня он невзлюбил потому, что я был жокей и, с его точки зрения, не пара для его породистой дочурки. Я его, разумеется, тоже невзлюбил, за интеллектуальный и социальный снобизм. Даже странно подумать, что на данный момент он, вероятно, самый дорогой для меня человек во всем мире.

Он продолжал:

– Этот человек ее уговорил поучаствовать в какой-то торговле по почте... чрезвычайно престижной и респектабельной, по крайней мере с виду. Достойный способ раздобыть денег на благотворительность... ну, знаешь, как оно бывает. Вроде рождественских открыток, только у них там, кажется, была какая-то восковая политура для старинной мебели. Дескать, купите дорогую политуру, а большая часть денег пойдет на добрые дела.

Он бросил на меня угрюмый взгляд. Я слушал молча, не надеясь услышать что-нибудь хорошее.

– Повалили заказы, – сказал он. – А с заказами и денежки. Дженни с подружкой только и делали, что отправляли посылки.

– А товар Дженни, разумеется, закупила заранее, на свои деньги? – предположил я.

Чарлз вздохнул:

– Тебе ничего рассказывать не надо, ты и так все знаешь, да?

– И все почтовые расходы, рекламу и прочие бумажки оплачивала тоже Дженни?

Он кивнул:

– А все поступления она переводила на специально для этого открытый счет благотворительной организации. В один прекрасный день все деньги со счета сняли, красавчик испарился, а благотворительная организация оказалась несуществующей.

Я смотрел на него с ужасом.

– Ну а Дженни что? – спросил я.

– Боюсь, что у Дженни дела плохи. Могут завести уголовное дело. Причем на всех бумагах стоит ее имя, а имени этого человека нет нигде.

У меня не было слов, даже бранных. Чарлз пригляделся ко мне и медленно, сочувственно кивнул.

– Да, глупость она сотворила изрядную, – сказал он.

– А вы что, не могли ее остановить? Предупредили бы...

Он грустно покачал головой:

– Я об этом ничего не знал до вчерашнего дня, когда она в панике примчалась в Эйнсфорд. Она этим всем занималась у себя на квартире, в Оксфорде.

Мы отправились обедать. Мы ели морского языка, но вкуса я не чувствовал.

– Человека этого зовут Николас Эйш, – сказал Чарлз за кофе. – Ну, по крайней мере, он так себя называл.

Он помолчал.

– Мой адвокат считает, что было бы неплохо, если бы ты его отыскал.

В Кемптон я ехал на автопилоте, руководствуясь исключительно рефлекторными реакциями. Мысли неотвязно крутились вокруг Дженни.

Похоже, что наш развод ничего не изменил. Обеззараживающая процедура – безликое судебное заседание, на которое никто из нас не явился (детей нет, раздела имущества нет, попытки примирения отсутствуют начисто, ходатайство удовлетворить, следующие, пожалуйста), не то что не помогла поставить точку и начать с новой строки – она не тянула даже на запятую. Юридическое оформление развода отнюдь не стало дверью на волю. Преодоление эмоциональной катастрофы было медленным и мучительным, и бумажка стала в лучшем случае аспиринкой.

Когда-то мы сливались воедино радостно и страстно – теперь, если нам случалось встретиться, мы немедленно принимались драть друг друга когтями. Я провел восемь лет, любя, теряя и оплакивая Дженни, и как бы мне ни хотелось, чтобы мои чувства к ней умерли, – они жили. До полного безразличия было еще очень и очень далеко.

Если я ей помогу выбраться из истории, в которую она влипла, Дженни устроит мне веселую жизнь. Если я ей не помогу, я сам себе веселую жизнь устрою. «Ну какого черта, – думал я в бессильной ярости, – какого черта эта дура набитая сделала такую глупость?!»

Для апрельского буднего дня народу в Кемптоне было порядочно, хотя я не в первый раз пожалел, что в Британии чем ближе к Лондону, тем меньше народу на трибунах. Играть на тотализаторе горожане любят, а вот свежий воздух и лошадей – не очень. Бирмингем с Манчестером лишились своих ипподромов из-за всеобщего равнодушия, а ливерпульский иппо-

дром выжил исключительно за счет Большого ливерпульского стипль-чеза². Вот где-нибудь в глубинке ипподромы трещат по швам, вплоть до того, что программок на всех не хватает. Все же самые могучие деревья растут из самых древних корней.

Возле весовой все те же толковали на все те же темы, которые не менялись веками. Кто на ком выступает, кто выиграет скачку, пора поменять правила, что сказал такой-то, когда его лошадь проиграла, времена нынче дурные, а вы знаете, что этот шалопай жену бросил? Хватало там и сальных баек, и преувеличений, и откровенного вранья. Всегда одна и та же смесь честности и продажности, принципиальности и изворотливости. Люди, готовые подкупать, люди, готовые взять деньги. Измученные маленькие люди, исполненные надежд, и надменные большие шишки. Неудачники, придумывающие смелые оправдания, счастливики, прячущие тревогу в глазах. Все это было, есть и будет, пока существуют скачки.

На самом деле, мне рядом с весовой теперь делать было нечего, хотя меня никто никогда не прогонял. Я очутился в серой зоне, куда попадают бывшие жокеи: в саму весовую нам хода нет, но в остальных местах нас терпят. Уютное жокейское святилище пало в тот день, когда полтонны конины приземлились копытами на мои пястные кости. С тех пор я научился радоваться уже тому, что меня по-прежнему признают частью братства, а мучительное желание сесть в седло сделалось лишь частью прочих сожалений. Еще один бывший чемпион как-то раз поделился со мной: мол, у него двадцать лет ушло на то, чтобы перестать мечтать о скачках. Я сказал – ну, спасибо большое!

Джордж Каспар тоже был там. Он разговаривал со своим жокеем: тому в этот день предстояло участвовать в трех скачках. Была там и Розмари. Она вздрогнула всем телом, увидев меня в десяти шагах, и немедленно повернулась ко мне спиной. Я представил, как волны тревоги накатывают на нее одна за другой, – хотя в этот день она выглядела ухоженной и элегантной, как обычно: норковая шубка, защищающая от пронизывающего ветра, лаковые сапожки, бархатная шляпка. Если она боялась, что я заговорю о ее визите, она ошиблась.

Кто-то легонько ухватил меня за локоть, и приятный голос произнес: «На пару слов, Сид!»

Я расплылся в улыбке еще до того, как обернулся к нему: лорд Фрайерли, граф, землевладелец и чрезвычайно порядочный малый, был одним из тех людей, на чьих лошадях я выступал много-много раз. Он принадлежал к аристократам старой школы: почтенный джентльмен за шестьдесят, с безукоризненными манерами, неподдельно внимательный к людям, чуточку эксцентричный и куда более умный, чем предполагали окружающие. Он чуточку заикался, но это был не дефект речи – он всего лишь старался не размахивать своим титулом в нашем стремящемся к равноправию мире.

За эти годы я несколько раз гостил в его доме в Шропшире, в основном по дороге на северные ипподромы, и намотал немало миль вместе с ним на его очередном драндулете. Манера ездить на старых машинах не имела отношения к скромности – скорее к несклонности тратить деньги на несущественное. Существенным, с точки зрения графа, было содержание Фрайерли-холла и максимально возможного количества скаковых лошадей.

– Рад вас видеть, сэр, – сказал я.

– Сколько раз говорить, зови меня «Филип»!

– Ага... Извините.

– Слушай, – сказал он, – мне твоя помощь нужна в одном деле. Говорят, ты чертовски хорошо разбираешься во всяких секретах. Меня это не удивляет: ты же знаешь, я всегда дорожил твоим мнением.

– Ну конечно помогу, если сумею, – сказал я.

---

² *Ливерпульский стипль-чез* (Grand National) – самый сложный и самый престижный стипль-чез, который проводится в городке Эйнтри, близ Ливерпуля, в первую субботу апреля.

– У меня такое неприятное чувство, что меня *используют*, – сказал он. – Ты же знаешь, я обожаю смотреть, как выступают мои лошади: чем чаще, тем лучше, и все такое. Ну и вот, в последний год я согласился вступить в один синдикат... знаешь, когда расходы делаются человек на восемь-десять, хотя лошади-то выступают от моего имени и в моих цветах.

– Ага, – кивнул я. – Понял.

– Ну так вот... Я этих всех людей лично-то не знаю. Синдикаты созданы одним малым, который именно этим и занимается: собирает людей и продает им лошадь. Знаешь, да?

Я кивнул. Мне были известны случаи, когда такие дельцы покупали лошадь по дешевке и продавали ее членам синдиката вчетверо дороже. Нормальное мелкое жульничество, пока что ничего незаконного.

– Так вот, Сид, эти лошади выступают хуже, чем должны бы, – напрямик заявил он. – Есть у меня неприятное ощущение, что кто-то из членов синдикатов нарочно мухлюет, чтобы лошади проигрывали. Не выяснишь, в чем тут дело, а? Тихо-мирно?

– Постараюсь, конечно, – сказал я.

– Вот и хорошо! – удовлетворенно кивнул граф. – Так и думал, что ты согласишься. Так что я тут тебе принес имена – список членов синдиката. – Он достал из внутреннего кармана сложенный лист бумаги. – Всего четыре лошади. Все синдикаты зарегистрированы в Жокей-клубе, все официально, проверенная отчетность и так далее. На бумаге все чисто, но, Сид, откровенно говоря, я *недоволен*!

– Я разберусь, – пообещал я, и он рассыпался в благодарностях совершенно искренне и через пару минут отошел поболтать с Розмари и Джорджем.

Чуть поодаль Бобби Анвин, с блокнотом и карандашом наперевес, вытрясал душу из тренера средней руки. До меня доносился его голос, по-северному напористый, приправленный инквизиторским тоном, который Бобби перенял у телеведущих. «То есть вы можете сказать, что вполне удовлетворены тем, как выступают ваши лошади?» Тренер озибался в поисках выхода и переминался с ноги на ногу. Я подумал: как странно, что он с этим мирится, – хотя статейки Бобби Анвина бывали обычно куда более ядовитыми, если Бобби не имел удовольствия пострасать свою жертву лицом к лицу. Писал Бобби бойко, читали его жадно, и большинство скакового братства от всей души его ненавидело. Мы с ним в течение многих лет поддерживали своеобразный вооруженный нейтралитет: на практике это сводилось к тому, что он употреблял не более двух выражений типа «слепой кретин» на абзац, описывая проигранные мною скачки. С тех пор как я ушел из жокеев, я перестал быть мишенью его нападок, и в итоге мы получали некое извращенное удовольствие, разговаривая друг с другом, – все равно что болячку расчесывать.

Увидев меня краем глаза, Бобби оставил злосчастного тренера в покое и развернул свой ястребиный нос в мою сторону. Бобби был высокий человек лет сорока и вечно щеголял тем, что родился в рабочем поселке в Брэдфорде, – драчун, воспитанный на улице и не позволявший никому об этом забыть. Казалось бы, у нас должно быть много общего, я ведь и сам был дитя городских помоек, но темперамент мало зависит от окружающей среды. Бобби встречал превратности судьбы яростно, а я молча. Как следствие, он в основном говорил, а я слушал.

– Цветное приложение у меня в портфеле, в пресс-центре, – сказал он. – А тебе оно зачем?

– Так, из интересу.

– Ладно, брось! – сказал Бобби. – Над чем работаешь-то?

– А ты бы стал со мной заранее делиться свежей сенсацией? – поинтересовался я.

– Ладно, понял! – сказал Бобби. – Короче, с тебя бутылка лучшего шампусика в баре для владельцев. После первой скачки. Идет?

– А за сэндвич с копченым лососем могу я рассчитывать на какую-нибудь дополнительную информацию, которая в печать не пошла?

Бобби ехидно ухмыльнулся: мол, почему бы и нет, – и в должный срок, после первой скачки, слово свое сдержал.

– Ты себе можешь это позволить, Сид! – говорил он, уминая сэндвич с розовой рыбкой и ревниво обнимая бутылку с золотой фольгой, что стояла на стойке рядом с нами. – Ну и что же ты хочешь знать?

– Ты ведь ради этой статьи ездил в Ньюмаркет, на конюшню к Джорджу Каспару? – спросил я, кивнув на цветной журнал, который лежал рядом с бутылкой, сложенный вдвое.

– Ага, а то как же!

– Так расскажи мне, о чем ты не стал писать.

Он остановился, не дожидаясь:

– О чем именно?

– Что ты лично думаешь о Джордже как о человеке?

– Ну, – сказал он, пережевывая куски ячменного хлеба, – большую часть того, что я думаю, я написал в статье. – он покосился на журнал. – Он разбирается в том, когда лошадь готова к скачке и на какую скачку ее выставлять, лучше любого из наших тренеров. А вот в людях он разбирается не лучше бетонного столба. Любую из ста двадцати с лишним лошадей, что у него стоят, он знает по кличке и всю ее родословную и способен их различить даже с хвоста и в ливень, хотя это практически невозможно, но всех сорок конюхов, что на него работают, он зовет «Томми», потому что не в состоянии отличить одного от другого.

– Ну, конюхи-то меняются, – невозмутимо заметил я.

– Так и лошади тоже. Нет, все дело в самом Каспаре. Ему просто похрен на людей.

– И на женщин тоже? – уточнил я.

– Женщин он просто использует, бедняжек. Могу поспорить, когда он с ними, он на самом деле думает о завтрашних скачках.

– Ну а Розмари? Как она ко всему этому относится?

Я подлил ему шампанского и пригубил свой бокал. Бобби запихал в рот последний кусок сэндвича и облизал крошки с пальцев.

– Розмари? Да у ней шарики за ролики заходят.

– Да? А вроде вчера на скачках нормальная была, – заметил я. – Да и сегодня я ее видел...

– Ага, ну да, изображать из себя великосветскую даму на публике – это она еще может.

А я у них три дня подряд бывал наездами, и знаешь, что я тебе скажу, старик: у них там такое творится, не услышишь – не поверишь!

– Например?

– Например, Розмари орет на весь дом, что у них недостаточно охраны, а Джордж на нее орет, чтобы она захлопнула пасть. Розмари, понимаешь, вбила себе в голову, будто бы у них в свое время нескольких лошадей испортили, – ну, надо тебе сказать, тут не поспоришь: чтобы на такой здоровенной и преуспевающей конюшне, как у них, не нашлось ублюдка, который норовит подправить шансы, – такого не бывает. Но как бы то ни было, – он опорожнил бокал и широким жестом наклонил бутылку, чтобы пополнить запасы, – как-то раз она ухватила меня за грудки у них в холле... а холл-то у них как приличный амбар... буквально ухватила меня за грудки и говорит, мол, лучше бы я написал про то, как Глинера и Зингалу испортили... ну, помнишь, были такие шикарные двухлетки, из которых в итоге так ничего и не вышло... а тут Джордж выходит из кабинета и говорит: мол, она стала нервная и страдает от возрастных изменений, – и, короче, они прямо при мне устроили настоящую семейную сцену.

Он перевел дух и отхлебнул вина.

– Что самое странное – я бы сказал, что при этом они по-своему любят друг друга. Насколько Джордж вообще способен кого-то любить.

Я провел языком по зубам изнутри и сделал вид, будто мне это все не особо интересно и я думаю о чем-то другом.

– Ну а Джордж что говорит насчет ее подозрений про Глинера и Зингалу?

– Ну, Джордж считал само собой разумеющимся, что я ее всерьез не принимаю, но сказал, что она просто жутко переживает, как бы кто-нибудь не испортил Три-Нитро, вот и делает из мухи слона. Он говорит, это все возраст. Мол, женщины в этом возрасте всегда делаются странными. Он говорит, что Три-Нитро и так уже стерегут вдвое усерднее, чем он сам считает необходимым, все из-за ее подстрекательств, а когда начнется новый сезон, он еще и ночных сторожей наймет с собаками, и так далее. Сейчас, видимо, уже нанял. Еще он мне сказал, что Розмари в любом случае ошибается насчет того, что Глинера и Зингалу испортили, но Розмари буквально помешалась на этом вопросе, и он, уж так и быть, согласился ей немного подыграть, чтобы она не спятила окончательно. Похоже, что у них обоих... у лошадей, я имею в виду... обнаружили шум в сердце, что, конечно, объясняет, почему они так хреново выступали, когда повзрослели и набрали вес. Только и всего. Никаких сенсаций.

Он опустошил свой бокал и заново его наполнил.

– Короче, Сид, старик, что ты хочешь знать о Джордже Каспаре *на самом деле*?

– Э-э-э... – протянул я. – Тебе не кажется, что он чего-то боится?

– Это Джордж-то?! – недоверчиво переспросил Бобби. – Чего, например?

– Чего угодно.

– Когда я там был, я бы сказал, что он боится не больше, чем грузовик с кирпичами.

– Он не выглядел озабоченным?

– Ни капельки.

– Не нервничал?

Бобби пожал плечами:

– Только из-за жены.

– А скажи, давно ты туда ездил?

– Ну-у... – Он призадумался. – После Рождества. Ага, точно: на вторую неделю января. Эти цветные приложения приходится готовить сильно заранее.

– То есть ты не считаешь, – спросил я разочарованным тоном, – что ему может понадобиться дополнительная охрана для Три-Нитро?

– Ах вон ты что задумал!

Бобби ехидно ухмыльнулся:

– Нет, старик, не выгорит дело. Попробуй сунуться к кому попроще. У Джорджа и так все схвачено намертво. Смотри: для начала, это одна из тех старых конюшен, которые со всех сторон обнесены высокой стеной, что твоя крепость. На входе – десятифутовые двойные ворота с шипами поверху.

Я кивнул:

– Да, я и сам видел.

– Ну и вот.

Бобби пожал плечами, давая понять, что тут больше и говорить не о чем.

Во всех барах в Кемптоне стояла телетрансляция, чтобы болельщики, плотно засевшие в баре, могли смотреть скачки, не выходя наружу. Вторую скачку мы с Бобби Анвином смотрели на таком экране. Первой, опередив соперника на шесть корпусов, пришла лошадь, которую тренировал Каспар, и, пока Бобби задумчиво изучал бутылку, в которой оставалось шипучки на два пальца, в бар вошел Джордж Каспар собственной персоной. За ним ввалился дородный мужчина в верблюжьем пальто, со всеми симптомами счастливого владельца, чья лошадь выиграла. Морда как у кота, объевшегося сметаны, широкие жесты, всех угощаю и так далее.

– Допивай шампанское, Бобби, – сказал я.

– А тебе не налить?

– Оно твое!

Он возражать не стал. Налил, выпил, смачно рыгнул.

– Я лучше пойду, – сказал он. – Мне еще писать про тех чертовых жеребчиков в третьей скачке. Смотри не проболтайся моему редактору, что я вторую скачку из бара смотрел. Меня ж уволят!

Бобби шутил. Немало скачек он смотрел в баре.

– Пока, Сид! Спасибо за угощение.

Он кивнул, развернулся и уверенно направился к двери, и ничто не выдавало, что за полчаса он усидел семь восьмых бутылки шампанского. Это он только разогнался, вне всякого сомнения. Вместимость у Бобби была феноменальная.

Я спрятал его журнал во внутренний карман куртки и не спеша пошел следом за Бобби, размышляя о том, что он рассказал. Проходя мимо Джорджа Каспара, я сказал: «Поздравляю!» – обычная любезность в подобных случаях. Он коротко кивнул, бросил: «Привет, Сид!» – обмен расшаркиваниями завершился, и я пошел дальше своей дорогой. И тут он окликнул меня, повысив голос:

– Сид!

Я обернулся. Джордж помахал. Я вернулся.

– Хотел тебя познакомить с Тревором Динстейтом, – сказал он.

Я пожал протянутую руку: белоснежная манжета, золотая запонка, холеная бледная кожа, чуть влажноватая, ухоженные ногти, на мизинце золотой перстень с ониксовой печаткой.

– Победитель ваш? – спросил я. – Мои поздравления!

– А вы знаете, кто я?

– Тревор Динстейт?

– Помимо этого.

Я впервые видел этого человека вблизи. У могущественных людей часто встречается такой особенный прищур, выдающий затаенное ощущение собственного превосходства, и он щурился именно так. Темно-серые глаза, черные, тщательно уложенные волосы, поджатые губы, говорящие о натренированных мышцах, ответственных за принятие решений.

– Ну давай, Сид! – сказал Джордж, видя мое замешательство. – Если знаешь, говори. Я Тревору сказал, что ты все знаешь.

Я бросил взгляд на Джорджа, но на его жестком, обветренном лице не читалось ничего, кроме насмешливого ожидания. Я знал, что для многих моя новая профессия – нечто вроде игры. Что ж, ничего страшного, послушно прыгну через подставленный обруч.

– Букмекер? – предположил я и, обращаясь напрямую к Тревору Динстейту, добавил: – «Билли Бонс»?

– Вот! – хмыкнул довольный Джордж. – Я же тебе говорил!

Тревор Динстейт принял это философски. Я не стал копать глубже, иначе его реакция могла оказаться не столь дружелюбной. По слухам, настоящая его фамилия была Шеммок: Тревор Шеммок из Манчестера. Он родился в трущобах с острым, как бритва, умом и, пробираясь наверх, сменил и имя, и говор, и общество. Как сказал бы Бобби Анвин, все мы такие – а почему бы и нет?

Путь Тревора Динстейта в высшую лигу практически завершился тем, что он перекупил старую, но загибающуюся фирму под названием «Билли Бонс», которой владели какие-то братья Рубинштейн и их дядя Солли. И за последние несколько лет «Билли Бонс» сделался серьезной конторой. В любой спортивной газете, на любом ипподроме тебя встречали ядовито-розовые рекламные объявления и слоганы вроде: «Остров сокровищ – „Билли Бонс“ знает, где клад!». Если бизнес был столь же напорист, как рекламная кампания, видимо, Тревор Динстейт процветал.

Мы культурно обсуждали победителя, пока не настало время идти смотреть жеребчиков.

– Как там Три-Нитро? – спросил я у Джорджа по пути к выходу.

– Отлично! – ответил он. – Рвется в бой.

– И никаких проблем?

– Ни малейших.

За дверью мы расстались. Оставшуюся часть дня я провел так же бестолково, как обычно: смотрел скачки, болтал со знакомыми, думал о пустяках. Розмари я больше не видел. Я понял, что она меня избегает, и после пятой скачки решил ехать домой.

У выхода с ипподрома местный служащий перехватил меня с некоторым облегчением, словно он меня ждал, причем несколько дольше, чем рассчитывал.

– Мистер Холли, вам записка!

– Да? Спасибо.

Он протянул мне неброский серый конверт. Я сунул его в карман, дошел до своей машины, сел за руль, достал конверт и прочел:

Сид!

Я весь день был занят, но мне надо с тобой поговорить. Не могли бы мы встретиться в кафетерии? После последней скачки?

Лукас Уэйнрайт

Тихонько ругнувшись, я побрел назад через автостоянку, миновал калитку и прошел в кафе, где обеденные блюда уступили место сэндвичам и кексам. Последняя скачка только что кончилась, завсегдатаи кафе тянулись внутрь маленькими группками, жаждущими чаю и не чаю, однако командора³ Лукаса Уэйнрайта, начальника службы безопасности Жокей-клуба, нигде видно не было.

Я немного поболтался в кафе, и наконец Уэйнрайт явился, запыхавшийся, встревоженный, замотанный и извиняющийся.

– Чаю хочешь?

– Да не особенно.

– Все равно. Возьми чаю. Тут можно посидеть спокойно, чтобы к тебе никто не лез, а то в баре слишком много народу толчется.

Он провел меня к столику и жестом предложил садиться.

– Слушай, Сид. Как насчет того, чтобы поработать на нас?

Командор Уэйнрайт времени зря не терял.

– «На нас» в смысле на службу безопасности?

– Ну да.

– Официально? – удивился я. Ребята из ипподромовской охраны в принципе знали, чем я занимаюсь в последнее время, и вроде бы не предъявляли претензий, но мне никогда не казалось, что это одобряется. В каком-то смысле я охотился на их территории и путался у них под ногами.

Лукас побарабанил пальцами по скатерти.

– Неофициально, – сказал он. – Лично для меня.

Поскольку Лукас Уэйнрайт сам был главной шишкой службы безопасности, той ветви Жокей-клуба, что выполняла охранные и следственные функции, даже неофициальная просьба с его стороны могла считаться достаточно серьезной. По крайней мере, пока не будет доказано обратное.

– А что за работа? – спросил я.

Этот вопрос в первый раз за все время заставил его сбавить скорость. Он помычал, покашлял, побарабанил пальцами, но наконец сформулировал то, что оказалось проблемой из проблем:

– Видишь ли, Сид, все это строго между нами...

---

³ Командор – офицерский чин в британском флоте, рангом ниже капитана.

– Разумеется.

– У меня нет полномочий вот так вот обращаться к тебе...

– Понимаю, – сказал я. – Ничего, продолжайте.

– А поскольку полномочий у меня нет, то и обещать, что мы заплатим, я тебе не могу.

Я тяжело вздохнул.

– Я могу предложить только... ну... помощь, если тебе вдруг потребуется помощь. И разумеется, только то, что в моих силах.

– Это может оказаться ценнее денег, – кивнул я.

Он приободрился:

– Хорошо. Так вот... ситуация очень неловкая. Крайне деликатная.

Он еще немного поколебался, но наконец со вздохом, похожим на стон, выдал:

– Я прошу тебя потихоньку навести справки касательно... э-э-э... деятельности... одного из наших людей.

Повисла небольшая пауза. Я поинтересовался:

– Вы имеете в виду, одного из *вас*? Из сотрудников службы безопасности.

– Боюсь, что так.

– А о какого рода деятельности идет речь? – спросил я.

Вид у него сделался несчастный.

– О подкупе. О мошенничестве. Таких вот вещах.

– Хм, – сказал я. – Правильно ли я понимаю? Вы полагаете, что один из ваших ребят берет взятки у мошенников, и хотите, чтобы я с этим разобрался?

– Да, – сказал он. – Именно так.

Я пораскинул мозгами:

– А отчего вы сами не проведете расследование? Поручите это кому-то другому из ваших ребят.

– А-а-а... Ну... – Он откашлялся. – Тут все не так просто. Если я все-таки ошибаюсь, я не могу допустить, чтобы о моих подозрениях сделалось известно. Это сулит очень большие, огромные неприятности. А если я прав – а боюсь, что я прав, – мы... ну, то есть Жокей-клуб... предпочли бы разобраться с этим делом без лишнего шума. Публичный скандал с участием службы безопасности причинит серьезный вред скачкам.

Я подумал, что он, кажется, малость преувеличивает, – но он не преувеличивал.

– Речь идет, – сказал он с самым несчастным видом, – об Эдди Кейте.

Вновь повисло молчание. На тот момент в иерархии службы безопасности главным был Лукас Уэйнрайт, а ступенью ниже стояли двое его помощников с одинаковыми полномочиями. Оба они были полисменами высокого ранга в отставке. Один из них – бывший суперинтендант Эддисон Кейт.

Я без труда представил его себе: мне не раз приходилось с ним общаться. Жизнерадостный грубоватый верзила, обожавший хлопать людей по плечу увесистой лапищей. Громогласный, с отчетливым провинциальным саффолкским выговором. Пышные соломенные усища, развевающиеся русые волосы, сквозь которые просвечивала розовая макушка, глаза с мясистыми веками, казалось вечно искрящиеся благодушием, за исключением тех случаев, когда Эдди был не в духе.

Не раз мне случалось видеть, как его глаза сверкали холодно и безжалостно, будто расселина в леднике. Будто лед на солнце – красивый, но таящий в себе множество ловушек. Человек, который с жизнерадостной улыбкой защелкнет на вас наручники, – вот каков Эдди Кейт.

Но чтобы Эдди сделался жуликом? Уму непостижимо.

– А что об этом говорит? – спросил я наконец.

Лукас Уэйнрайт пожевал нижнюю губу и наконец сказал:

– За последний год четыре его расследования дали неудовлетворительные результаты.

Я поморгал:

– Не особо убедительно.

– Да. Именно так. Будь я уверен, я бы с тобой не говорил.

– Ну да, наверно... – Я поразмыслил. – А что за расследования-то?

– Речь о синдикатах. О том, насколько люди, желающие создать синдикат для совместного владения лошадьми, для этого годятся. Ну, чтобы всякие нежелательные личности не проникли на скачки через черный ход. И Эдди дал добро четверем предполагаемым синдикатам, в которые на деле вошел один человек (а может, и больше), которого даже к воротам подпускать не следовало.

– А вы откуда знаете? – спросил я. – Как это выяснилось?

Уэйнрайт поморщился:

– На той неделе я разговаривал с одним человеком по поводу обвинения в допинге. Он был страшно зол на группу людей, которые его подвели, и твердил, что эти люди владеют лошадьми под чужими именами. Он назвал мне имена, я проверил, и все четыре синдиката, куда они входили, утвердил Эдди.

– Я ошибаюсь, – медленно спросил я, – или это синдикаты, которые возглавляет лорд Фрайерли?

Он уныло кивнул:

– Боюсь, что да. Лорд Фрайерли мне уж сказал сегодня, что просил тебя с этим разобраться. Мне об этом сообщил из вежливости. А я уже и сам подумывал к тебе обратиться, а тут решил окончательно. Но я хочу, чтобы это держалось в секрете!

– И он тоже, – заверил я. – Вы не могли бы показать мне отчеты Эдди? Или снять копии? И сообщить фальшивые и настоящие имена нежелательных личностей?

Он кивнул:

– Я позабочусь о том, чтобы ты получил все, что надо.

Он взглянул на часы и встал, возвращаясь к своей обычной живости, – точно накинул привычное пальто.

– Я понимаю, тебе об этом напоминать не нужно, но... держи язык за зубами.

Мы вместе быстро дошагали до двери, там мы расстались, и он удалился от меня еще более быстрым шагом, чуть заметно махнув на прощание. Его выпрямленная спина исчезла в дверях весовой, а я снова направился к своей машине, размышляя о том, что, если так пойдет и дальше, мне, пожалуй, потребуются помощники.

Глава 3

Я позвонил в Северно-Лондонскую среднюю школу и попросил позвать Чико Бернса.

– Он ведет занятие по дзюдо! – отрезал голос в трубке.

– Его занятия обычно заканчиваются как раз примерно в это время.

– Минуточку.

Я стал ждать ответа. При этом я ехал по Лондону. Моя правая рука лежала на руле, левая сжимала трубку, по ветровому стеклу барабанил дождь. Машина была переоборудована под управление одной рукой: на руле сидела специальная ручка. Очень просто, очень удобно, полицию все устраивает.

– Аллю!

В жизнерадостном голосе Чико с первого же слова слышалось его непочтительное отношение к миру.

– Поработать не хочешь? – осведомился я.

– Хочу! – Его ухмылка вполне ощущалась даже через телефонную трубку. – А то как-то глухо все на этой неделе.

– На квартиру ко мне подъедешь? Там и поговорим.

– У меня сегодня еще одно занятие. В нагрузку. Один тут ведет вечернюю группу для плотных дамочек и заболел. Впрочем, я его не виню. Ты откуда звонишь?

– Из машины. Еду из Кемптона в Лондон. Я в Рокемpton заеду, в центр протезирования, мне по пути, но я могу быть у твоей школы... ну... скажем, часа через полтора. Я тебя подберу. Идет?

– Конечно! – сказал он. – А зачем тебе в центр протезирования?

– Алана Стивенсона хочу повидать.

– Так он, наверно, уже ушел.

– Нет, сказал, что будет на месте, он сегодня допоздна работает.

– Что, опять рука разболелась?

– Да нет... Подкрутить кой-чего надо.

– Ага, – сказал он. – Ну ладно, пока.

Я, довольный, повесил трубку. Разговоры с Чико почти всегда оставляли после себя ощущение удовольствия. В качестве товарища по работе он был незаменим: веселый, находчивый, упорный и сильный, хотя с виду и не скажешь. Немало негодяев слишком поздно обнаружили, что юный худенький Чико с его мальчишеской улыбкой без труда швыряет через плечо стотридцатикилограммового громила.

Мы познакомились, когда он, как и я, работал в детективном агентстве Рэднора, где я осваивал свое новое ремесло. В какой-то момент существовала вероятность, что я сделаюсь сперва партнером, а потом и владельцем агентства, но, хотя мы с Рэднором успели прийти к соглашению и даже название агентства поменяли на «Рэднор – Холли», жизнь решила иначе и перевернула все вверх дном. Буквально накануне того дня, когда мы собирались подписать соглашение о партнерстве – уже и финансовые вопросы решили, и шампанское закупили, – Рэднор тихонько прикорнул в кресле у себя дома, да так и не проснулся.

И тут же из Канады, как из отпущенной рогатки, прилетел откуда ни возьмись никому не известный племянничек, размахивающий завещанием в свою пользу и требующий свое законное имущество. Племянничек прямо заявил, что не желает продавать половину наследства какому-то однорукому бывшему жокею, а тем более за оговоренную цену. Он, мол, возьмет дело в свои руки и вдохнет новую жизнь во все предприятие. Начал он с того, что снял себе новый современный офис вместо старой тесной разбомбленной халупы на Кромвель-роуд, а кому не нравится, может голосовать ногами.

Большинство старичков решили остаться с новым хозяином, а вот Чико устроил племянничку впечатляющий скандал и выбрал пособие по безработице. Потом без особых хлопот устроился на полставки преподавателем дзюдо и в первый же раз, как я попросил его о помощи, присоединился ко мне с большим энтузиазмом. С тех пор я успел сделаться самым востребованным детективом во всех расследованиях, связанных со скачками, а если племянничку Рэднора это не по вкусу (мне рассказывали, он буквально на стенку лезет) – это его проблемы.

Чико выбежал из распашных стеклянных дверей школы. Свет, горящий у него за спиной, одевал нимбом его кудрявую голову. Больше ничего общего со святостью он не имел: обладатель кудрявой головы ни в коем случае не отличался ни долготерпением, ни богобоязненностью, ни целомудрием.

Он плюхнулся на сиденье, одарил меня широкой улыбкой и сообщил:

– Тут, за углом, есть паб, там наливают отличный херес!

Я покорно зарулил на стоянку при пабе и вошел туда следом за Чико. Девушка за стойкой, как и говорил Чико, была нимало не обижена женскими прелестями и, более того, приветствовала Чико буквально как родного. Я выслушал воркованье флиртующих голубков и оплатил выпивку.

Мы устроились на диванчике у стены, и Чико присосался к своему пиву – сразу видно, что человек только что хорошо потренировался.

– Уф-ф! – сказал он, ненадолго отставив кружку. – Так-то лучше!

Он смерил взглядом мой стакан:

– Это что, апельсиновый сок без всего?

Я кивнул:

– Я сегодня и так целый день пью.

– Просто не представляю, как ты выносишь всю эту роскошь и шикарную жизнь.

– Легко.

– Ага.

Он прикончил пинту, вернулся к стойке, попросил повторить, еще немного поболтал с барменшей и наконец снова сел на диванчик.

– Ну, Сид, куда ехать-то? И что там делать?

– В Ньюмаркет. Надо немного пошляться по местным пабам.

– Звучит неплохо.

– Тебе нужен конюх по имени Пэдди Янг. Это главный конюх Джорджа Каспара. Разузнай, куда он ходит пить, и вроде как ненароком завяжи разговор.

– Понял.

– Нам нужно разузнать, где сейчас находятся три лошади, которые прежде стояли у него на конюшне.

– Вот как?

– У него нет никаких причин тебе этого не говорить, – по крайней мере, я так думаю.

Чико пристально посмотрел на меня:

– А отчего бы тебе не взять и не спросить об этом у самого Джорджа Каспара, а? Так ведь намного проще, разве нет?

– На данный момент мы не хотим, чтобы Джордж Каспар знал о том, что мы расспрашиваем про его лошадей.

– Так вот оно что...

– По правде сказать, я и сам не знаю. – Я вздохнул. – Как бы то ни было, это три лошади: Бетесда, Глинер и Зингалу.

– Ладно. Завтра съезжу. Звучит несложно. Тебе позвонить?

– Как только сможешь.

Он искоса взглянул на меня:

– И что тебе протезист сказал?

– «Привет, Сид, рад тебя видеть!»

Он разочарованно хмыкнул:

– Все равно что кирпичную стенку расспрашивать.

– Ну, сказал, что корабль не протекает и можно плыть дальше.

– Лучше, чем ничего.

– Как скажешь.

Я все-таки поехал в Эйнсфорд, как и предвидел Чарлз. Я выехал в субботу после обеда и чувствовал, как страх и уныние углубляются с каждой милей. Чтобы отвлечься, я сосредоточился на новостях, которые Чико раздобыл в Ньюмаркете. Мы с ним созвонились в обед.

– Нашел я его, – рассказывал Чико. – Глубоко женатый мужик, который каждую пятницу тащит получку домой жене, как и положено пай-мальчику, но сейчас выбрался в паб пропустить кружечку. Паб практически напротив конюшни, очень удобно. В общем, если я его правильно понял – а то у него такой ирландский говор, все равно что с иностранцем разговариваешь, – все три лошади пошли на племя.

– А куда, он не знает?

– Знает, конечно! Бетесда – на ферму в Глостершире, которая называется «Гарвис», а две другие – совсем рядом от Ньюмаркета, в месте, которое Пэдди Янг называет «Трейсиз». Ну, по крайней мере, я так расслышал – я ж тебе говорю, у него такая каша во рту...

– Трейс, – сказал я. – Генри Трейс.

– Да? Ну, тогда ты, может, поймешь и все остальное, что он мне говорил. Он сказал, что у Глинера был «трит», а у Зингалу вирус и что Браттерсмет их обоих гэннул со скоростью «Конкорда»⁴.

– Что-что у Глинера было?

– «Трит».

Я попытался представить себе фразу «У Глинера был трит» с учетом ирландского говора и пришел к выводу, что у Глинера был артрит. Это звучало куда более правдоподобно. Я сказал Чико:

– ...И Бразерсмит их списал...

– Ага! – сказал он. – Ты все правильно понял.

– Ты откуда звонишь-то?

– Из уличного автомата.

– Слушай, – сказал я, – народ в пабах еще сидит. Попробуй разузнать, кто такой этот Бразерсмит, не ветеринар ли Джорджа Каспара, часом, и, если да, разыщи его в справочнике и привези мне адрес и телефон.

– Ладно. Что-нибудь еще?

– Нет.

Я помолчал.

– Чико, у тебя не сложилось впечатления, будто Пэдди Янгу кажется, что с этими тремя лошадьми было что-то не так? Что они неспроста заболели?

– Мне так не показалось. Похоже, ему вообще было все равно. Я у него просто спросил между делом, куда они подевались, он мне и ответил, а все остальное сообщил в довесок. Можно сказать, он к этому философски относится.

– Ну ладно тогда, – сказал я. – Спасибо!

---

⁴ «Конкорд» – единственный в мире пассажирский сверхзвуковой самолет, который начал эксплуатироваться за три года до выхода этого романа в свет и был тогда громкой сенсацией.

Я повесил трубку, однако через час Чико позвонил снова и сообщил, что Бразерсмит в самом деле ветеринар Джорджа Каспара, и дал мне его адрес.

– Сид, если это все, тут через полчаса поезд уходит, а меня в Уэмбли ждет одна славная куколка, и, если я не приеду, я ей всю субботу испорчу!

Чем больше я размышлял над докладом Чико и тем, что сказал мне Бобби Анвин, тем меньше мне верилось в то, что подозрения Розмари оправданны. Однако я обещал ей попробовать, значит я попробую – еще разок, и не больше. По крайней мере, разузнаю, как там поживают Бетесда, Зингалу и Глинер, и потолкую с ветеринаром Бразерсмитом.

Эйнсфорд по-прежнему сохранял свою каменную безмятежность, однако усеянные желтыми нарциссами тишина и покой царили лишь снаружи. Я мягко затормозил перед домом и остался сидеть в машине. Очень уж мне не хотелось внутрь.

Чарлз словно почуял, что я вот-вот уеду восвояси: он решительно вышел из дому и направился к машине, хрустя гравием. «Караулил, – подумал я. – Ждал. Хотел, чтобы я приехал».

– Сид! – сказал он, отворив дверцу и наклонившись, чтобы улыбнуться мне. – Я знал, что ты приедешь!

– Вы надеялись, – поправил я.

Я вылез из машины.

– Ладно, надеялся. – его глаза по-прежнему улыбались. – Но я же тебя знаю!

Я окинул взглядом дом, но увидел только пустые окна, в которых отражалось сероватое небо.

– Она там?

Он кивнул. Я повернулся, обогнул машину сзади, достал из багажника чемодан.

– Ну, идем тогда, – сказал я. – Давайте уж покончим с делом.

– Она расстроена, – сказал Чарлз, шагая рядом со мной. – Она нуждается в твоём понимании.

Я покосился на него и сказал:

– Угу.

Остаток пути мы проделали молча и вошли в дом.

Дженни была там, в холле.

Я так и не сумел свыкнуться с болью, которую испытывал в тех редких случаях, когда мы виделись, с тех пор как она ушла. Я видел ее такой же, как прежде, когда только влюбился в нее: не то чтобы классическая красавица, но очень хорошенькая девушка с каштановыми кудряшками, ладненькой фигуркой и манерой задираť голову, точно насторожившаяся птичка. Прежняя мягкая улыбка и теплота в глазах исчезли, но я по-прежнему искал их с безнадежной ностальгией.

– Приехал, значит, – сказала она. – А я думала, не приедешь.

Я поставил свой чемодан и, как обычно, сделал глубокий вдох.

– Меня Чарлз попросил, – ответил я.

Я поднялся по лестнице, на которой она стояла, и мы, как обычно, чмокнули друг друга в щеку. Мы поддерживали эту привычку, как бы давая окружающим понять, что наш развод был культурным и цивилизованным; но про себя я не раз думал, что это больше похоже на ритуальный салют перед началом дуэли.

Чарлз недовольно покачал головой, видя, что искренними чувствами тут и не пахнет, и повел нас обоих в гостиную. В прошлом он уже пытался удержать нас вместе, но любой брак клеится изнутри, а наш давно уже иссох и рассыпался.

– Сид, – сказала Дженни, – я не желаю от тебя слышать никаких поучений по поводу этой гадкой истории!

– И не собирался.

– Ты и сам не идеален, хотя тебе и хочется так думать!

– Успокойся, Дженни, – сказал я.

Она ускорила шаг и стремительно вошла в гостиную, я – вслед за ней. Она использует меня и снова выбросит, и я ей это позволю, из-за Чарлза. Даже странно, что я не испытывал особого желания ее утешать. Видимо, раздражение пока что перевешивало сострадание.

Они с Чарлзом были в гостиной не одни. Когда я вошел, Дженни пересекла комнату и остановилась рядом с высоким блондином, которого я уже встречал; а рядом с Чарлзом стоял незнакомец – плечистый моложавый мужчина, чей суровый взгляд странно контрастировал с румяной деревенской физиономией.

– Сид, вы ведь знакомы с Тоби, не так ли? – сказал Чарлз своим самым что ни на есть учтивым тоном.

Мы с другом и защитником Дженни кивнули друг другу и обменялись улыбочками, давая понять, что знакомы, но прекрасно обошлись бы и без этого.

– А это, Сид, мой адвокат – Оливер Квейль. Он согласился пропустить свой гольф, чтобы приехать. Крайне любезно с его стороны.

– А вы, значит, Сид Холли, – сказал моложавый, пожимая мне руку. Говорил он как ни в чем не бывало, однако его взгляд скользнул вбок и вниз: он пытался разглядеть полускрытую руку, на которую бы даже не взглянул, если бы не знал. Такое со мной бывало часто. Он снова посмотрел мне в глаза и увидел, что я все понял. Его нижние веки слегка дернулись, но он промолчал. Что ж, мы оба решили не торопиться с окончательным суждением, как мне подумалось.

Чарлз слегка усмехнулся и вкрадчиво заметил:

– А я вас предупреждал, Оливер. Если не хотите, чтобы он читал ваши мысли, не водите глазами.

– Вы этого не делаете, – сказал я ему.

– Я с тобой не первый год знаком.

Он учтивым жестом предложил всем садиться, и мы пятеро опустились в комфортные обьятя бледно-золотистой парчи.

– Я говорил Оливеру, – сказал Чарлз, – что если кто и способен отыскать этого Николаса Эйша, так это ты.

– Да уж, – лениво протянул Тоби, – когда прорвало трубы, очень полезно иметь в семье водопроводчика!

Это граничило с оскорблением. Но я предпочел истолковать сомнения в пользу Тоби – хотя в глубине души никаких сомнений не испытывал – и спросил у всех сразу, не обращаясь ни к кому конкретно, не лучше ли будет обратиться в полицию.

– Проблема в том, – сказал Квейль, – что формально Дженни – единственная, кто виновен в выманивании денег под ложным предлогом. Разумеется, в полиции ее выслушали, и человек, который ведет следствие, ей искренне посочувствовал, но... – Он медленно пожал массивными плечами, ухитрившись выразить одновременно и сочувствие и безнадежность. – Судя по всему, они вмешиваться не будут.

– Но послушайте, – возмутился Тоби, – это же все Эйш придумал, а не она!

– А доказать это вы можете? – спросил Квейль.

– Ну ведь Дженни же сказала! – ответил Тоби, словно это само по себе было достаточным доказательством.

Квейль покачал головой:

– Я уже говорил Чарлзу: по всем документам, которые она подписала, складывается впечатление, будто она была в курсе, что это махинация. А неведение, даже если и непритворное, всегда очень плохое оправдание – хотя не то чтобы совсем негодное.

– Но если против него доказательств никаких, – спросил я, – что вы станете делать, даже если я его найду?

Квейль пристально посмотрел на меня:

– Я надеюсь, что если вы найдете его, то найдете и доказательства.

Дженни выпрямилась как палка в своем кресле и пронзительным – возможно, из-за тревоги, но в первую очередь от злости – голосом произнесла:

– Что за ерунда, Сид? Отчего бы тебе сразу не сознаться, что это дело тебе не по плечу?

– Я не знаю, так ли это.

– Просто жалко смотреть, – сказала она Квейлю, – как он старается доказать, какой он умный, теперь, когда сделался инвалидом!

Прозвучавшая в ее тоне издевка шокировала Квейля и Чарлза, им явно стало не по себе. Я удрученно подумал, что это все из-за меня, это я пробудил в ней настойчивую потребность бить по больному. Мне не просто было неприятно то, что она сказала, – мне вдобавок было крайне неприятно, что это из-за меня она не выглядит для Квейля той солнечной натурой, которой оставалась бы, если б не мое присутствие.

– Если найду Николаса Эйша, – угрюмо сказал я, – я отдам его Дженни. Бедняга!

Мужчинам это пришлось не по вкусу. Квейль выглядел разочарованным, Тоби посмотрел на меня с презрением, Чарлз грустно покачал головой. И только Дженни, под маской злости, выглядела втайне удовлетворенной. В последнее время ей редко удавалось заставить меня отвечать на ее оскорбления, и то, что я ответил и заслужил всеобщее неодобрение, она явно сочла победой. Что ж, сам дурак. Был только один способ не показать, что ее подколки попадают в цель, – улыбаться. Но ситуация оказалась совершенно не смешной.

– Ну что ж, – сказал я, уже более сдержанно, – возможно, способ и найдется... если я сумею его разыскать. Во всяком случае, я сделаю все, что в моих силах. Если я смогу чем-то помочь – помогу.

Дженни выглядела неумолимой. Остальные просто промолчали. Я вздохнул про себя.

– Как он выглядит? – спросил я.

После паузы ответил Чарлз:

– Я с ним виделся всего один раз, примерно полчаса, четыре месяца назад. У меня осталось общее впечатление, и только. Молодой, импозантный, черноволосый, гладковыбритый. На мой вкус, слишком много заискивал. Приди такой ко мне на корабль младшим офицером – я был бы не рад.

Дженни поджала губы и отвернулась, но возразить ей было нечего. Я обнаружил в себе первые слабые ростки сочувствия к ней и постарался их затоптать: это только делает меня более уязвимым, а мне такого совсем не надо.

– А ты с ним не встречался? – спросил я у Тоби.

– Нет, – надменно ответил он. – Как-то не приходилось.

– Тоби ездил в Австралию, – пояснил Чарлз.

Они все ждали. Деваться мне было некуда. И я обратился к ней напрямую, нейтральным тоном:

– Дженни?

– Он был *веселый*! – неожиданно с жаром выпалила она. – Господи, какой же он был веселый! А после тебя...

Она остановилась и с горечью бросила взгляд в мою сторону:

– Он был полон жизни, шутил! Он меня смешил! Потрясающий. Он озарял собой все вокруг. Это было... это было как...

Она внезапно запнулась, остановилась, и я понял, что она подумала: это было совсем как мы, когда мы встретились впервые. «Дженни, – в отчаянии подумал я, – только не говори этого вслух, пожалуйста, не надо!»

Наверное, это было слишком даже для нее. «Ну вот как могут люди, – в десятилетиях раз задался я бесполезным вопросом, – как могут люди, которые так сильно друг друга любили, дойти до такого опустошения?» И все же перемены в нас были необратимы, и ни я, ни она даже не попытались бы отыскать дорогу назад. Это было невозможно. Пламя выгорело. И только несколько непотухших угольков прятались в золе, обжигая при неосторожном прикосновении.

Я сглотнул.

– Какого он роста? – спросил я.

– Выше тебя.

– Сколько ему лет?

– Двадцать девять.

Как и Дженни. На два года моложе меня. Ну, это если он говорил правду. С мошенника на доверии станется солгать абсолютно о чем угодно, просто из осторожности.

– Где он проживал, пока... э-э-э... сотрудничал?

На это Дженни ничего не сказала – мне ответил Чарлз:

– Он говорил Дженни, что живет у тетушки, но после того, как он исчез, мы с Оливером проверили. Тетушка, к сожалению, оказалась домовладелицей из Оксфорда, которая сдает комнаты студентам. И как бы то ни было, – тут он кашлянул, – похоже, он вскоре оттуда съехал и переселился в квартиру, которую Дженни снимала на двоих еще с одной девушкой.

– Он жил у тебя на квартире? – спросил я у Дженни.

– Да, ну и что?!

В ее голосе звучал вызов. И что-то еще...

– Когда он съехал, он никаких вещей после себя не оставил?

– Нет.

– Вообще ничего?

– Нет.

– Ты хочешь, чтобы его нашли? – спросил я.

Чарлз, Квейль и Тоби ответили бы «да» не раздумывая, но Дженни ничего не сказала. Вместо этого она покраснела: румянец разлился от шеи и вспыхнул двумя яркими пятнами на щеках.

– Он причинил тебе много зла, – напомнил я.

У Дженни упрямо напряглись плечи.

– Оливер говорит, в тюрьму меня не посадят, – ответила она.

– Дженни! – я вышел из себя. – Судимость за мошенничество будет преследовать тебя всю жизнь множеством разных отвратительных способов. Я вижу, что он тебе нравился. Может, ты даже его любила. Но это не просто озорной мальчишка, который из хулиганства спер из буфета банку варенья. Он хладнокровно устроил все таким образом, чтобы тебя наказали вместо него. И *это* – преступление, и за это я его найду, черт возьми, даже если тебе этого не хочется!

– Сид, ну это же смехотворно! – энергично запротестовал Чарлз. – Разумеется, ей хочется, чтобы он был наказан. Она согласилась, чтобы ты попытался его разыскать. Она этого хочет, как же иначе?

Я вздохнул и пожал плечами:

– Согласилась она, чтобы угодить вам. И потому, что думает, будто у меня ничего не получится, – весьма вероятно, она права. Но даже разговоры о том, что у меня может получиться, выбили ее из колеи и разозлили... А ситуация, когда женщина продолжает любить негодяя, сломавшего ей жизнь, не сказать чтобы неслыханная.

Дженни вскочила, бросила в мою сторону невидящий взгляд – и вышла из комнаты. Тоби сделал было шаг ей вслед, и Чарлз тоже поднялся, но я с нажимом произнес:

– Мистер Квейль, пожалуйста, пойдите и разъясните ей, какие последствия влечет за собой судимость. Говорите жестко, пусть она все поймет, пусть будет шокирована.

Он принял решение и отправился следом за Дженни раньше, чем я договорил.

– Это жестоко, – заметил Чарлз. – Мы старались ее щадить...

– Ну, от Холли ей ждать сочувствия не приходится, – ядовито бросил Тоби.

Я смерил его взглядом. Не самый умный мужчина на свете, однако же Дженни выбрала его себе в верные, ничего не требующие спутники – как тихую гавань после урагана. Несколько месяцев назад она подумывала выйти за него замуж, но сделает ли она это теперь, после Эйша? Сомневаюсь. Тоби, как обычно, смерил меня высокомерным взглядом – мол, что она в нем нашла? – и решил, что Дженни нуждается в нем прямо сейчас.

Чарлз проводил глазами его удаляющуюся спину и сказал с ноткой усталого отчаяния:

– Я ее просто-напросто не понимаю. А тебе потребовалось всего десять минут, чтобы увидеть... то, чего я бы вообще не увидел. – Он угрюмо взглянул на меня. – То есть подбадривать ее было бесполезно? А я-то старался...

– Ох, Чарлз, ну и мерзкая же каша заварилась... Нет, вреда-то это никакого не причинило. Просто дало ей возможность оправдывать его, Эйша, и подольше оттягивать момент, когда ей придется признаться себе самой, что она совершила кошмарную... позорную... ошибку.

Складки на лице Чарлза сделались глубже – он сильно помрачнел.

– Все еще хуже, – угрюмо произнес он. – Хуже, чем я думал.

– Печальнее, а не хуже, – поправил я.

– Как думаешь, ты сумеешь его найти? – спросил он. – Тут ведь и ухватиться-то не за что...

Глава 4

За дело я взялся с утра. Дженни я больше так и не видел: накануне вечером они с Тоби сели в автомобиль и на всех парах укатили в Оксфорд, оставив нас с Чарлзом ужинать вдвоем, к радости нас обоих. Вернулись они поздно и не вышли к завтраку до того времени, как я уехал.

Я поехал на квартиру Дженни в Оксфорде, руководствуясь указаниями Чарлза. «Если дома никого нет, – думал я, глядя на дверь, – с замком справиться труда не составит». Однако после второго звонка дверь, запертая на цепочку, приотворилась на несколько дюймов. В щели показался глаз, спутанные светлые волосы, босая ступня и пола синего халата.

– Луиза Макиннс? – спросил я.

– Она самая.

– Можно с вами поговорить, а? Я... э-э-э... бывший муж Дженни. Ее отец просил меня узнать, не смогу ли я ей чем-то помочь.

– Так вы Сид? – удивленно переспросила она. – Сид Холли?

– Да.

– Ну сейчас... минуточку!

Дверь закрылась и оставалась закрытой довольно-таки долго. Наконец она открылась снова, теперь во всю ширь, и я увидел девушку целиком. На этот раз на девушке были джинсы, клетчатая рубашка, мешковатый синий свитер и шлепанцы. Она успела причесаться и подвести губы нежно-розовой неброской помадой.

– Входите.

Я вошел и закрыл за собой дверь. Дженнина квартирка отнюдь не была собрана из гипсокартона на канцелярских кнопках – о чем я мог бы заранее догадаться. Она находилась в большом викторианском доме в тихом переулке, в небедном райончике. Перед домом была полукруглая подъездная дорожка, за домом – парковка для автомобилей. Часть дома, принадлежавшая Дженни, имела отдельный вход с пристроенной позднее лестницы и занимала весь просторный второй этаж. Как говорил мне Чарлз, на квартиру ушла часть выплаты по разводу. Приятно было видеть, что в целом мои деньги потрачены не зря.

Девушка щелкнула выключателем и провела меня в большую гостиную с эркером. Шторы в гостиной были еще задернуты, на столах и креслах царил не убранный с вечера бардак. Газеты, плащ, сброшенные впопыхах ботинки, кофейные чашки, в вазе для фруктов пустая коробочка из-под йогурта, с торчащей из нее ложечкой, вянувшие нарциссы, пишущая машинка в раскрытом футляре, смятые бумаги, не долетевшие до мусорной корзины.

Луиза Макиннс отдернула шторы, разбавив свет люстры серым утренним светом.

– Я еще спала, – пояснила она, хотя это и так было ясно.

– Извините, пожалуйста.

Бардак принадлежал ей. Дженни всегда была аккуратисткой и неизменно прибиралась перед тем, как лечь спать. Но сама комната принадлежала Дженни. Пара вещей из Эйнсфорда и общее сходство с гостиной у нас дома – в том доме, где мы когда-то жили вместе. Любовь уходит, а вкусы остаются прежними. Я чувствовал себя чужим и в то же время дома.

– Кофе хотите? – спросила она.

– Ну, только если...

– Конечно. Я в любом случае хочу кофе.

– Вам помочь?

– Как хотите.

Она провела меня по коридору в пустоватую кухню. Нельзя сказать, чтобы она вела себя резко, однако же она определенно держалась холодно. Оно и неудивительно. Все, что Дженни обо мне думала, она говорила, и вряд ли она говорила много хорошего.

– Тосты будете?

Она достала пакет с нарезанным белым хлебом и банку молотого кофе.

– Да, спасибо.

– Тогда суньте пару ломтиков в тостер. Тостер там.

Я так и сделал. Она тем временем набрала воды в электрический чайник и полезла в буфет за маслом и джемом. Начатая пачка масла так и хранилась в пергаментной бумаге. Середина была выскоблена, и в целом все выглядело крайне неопрятно – точно такая же пачка лежала и у меня дома. Дженни всегда автоматически перекладывала масло в масленку. Интересно, когда она живет одна, она тоже так делает?

– Молока, сахару?

– Сахару не надо.

Когда хлеб выпрыгнул из тостера, она намазала тосты маслом и джемом и положила их на две тарелки. Бурый порошок в кружках был заварен кипятком из чайника, молока налили прямо из бутылки.

– Тащите кофе, – велела Луиза, – а я возьму тосты.

Она взяла тарелки и краем глаза увидела, как моя левая рука смыкается на одной из кружек.

– Эй, осторожнее, – воскликнула она, – горячо же!

Я бережно стиснул кружку ничего не чувствующими пальцами.

Девушка озадаченно заморгала.

– Один из плюсов, – сказал я и поднял вторую кружку за ручку, куда более небрежно.

Она посмотрела мне в лицо, но ничего не сказала – просто повернулась и пошла в гостиную.

– Совсем забыла, – сказала она, когда я поставил обе кружки на свободное место, которое она разгребла на журнальном столике у дивана.

– Ну да, искусственную челюсть встретишь куда чаще, – вежливо ответил я.

Она чуть было не рассмеялась, и, хотя потом она сдержалась и даже неуверенно нахмурилась, все равно это мгновение душевного тепла позволило мне мельком увидеть настоящего живого человека, прячущегося за резковатым фасадом. Она с хрустом откусила бутерброд, задумчиво принялась жевать и, проглотив кусок, спросила:

– А что вы можете сделать, чтобы помочь Дженни?

– Попытаться найти Николаса Эйша.

– А-а!

Снова мимолетная улыбка, тотчас же подавленная запоздалой мыслью.

– Он вам нравился? – спросил я.

Она грустно кивнула:

– Боюсь, что да. Он такой невероятно веселый... был. Вот уж с кем не соскучишься! Я просто ушам своим не поверила, когда узнала, что он взял и смылся, оставив Дженни в такой ситуации. Я хочу сказать... он ведь тут жил, у нас в квартире... Мы так хохотали все вместе... И то, что он натворил... Нет, просто не верится!

– Послушайте, – сказал я, – не могли бы вы начать с самого начала и рассказать мне, как это все случилось?

– Но разве Дженни вам не...

– Нет.

– Наверное, – медленно произнесла она, – Дженни не хотелось вам сознаваться, что он так нас обвел вокруг пальца.

– Очень сильно она его любила? – спросил я.

– Любила? Что значит «любила»? Не могу вам сказать. Она была *влюблена*, это да. – Луиза принялась облизывать пальцы. – Волшебные пузырьки. Все такое яркое и воздушное. Прямо как в облаках.

– А вы сами там бывали? В облаках?

Она взглянула на меня в упор:

– Вы хотите спросить, знаю ли я, как это бывает? Да, знаю. Если вы хотите спросить, была ли я влюблена в Никки, – нет, не была. Он был веселый, классный, но он не заводил меня так, как Дженни. И в любом случае – это она ему нравилась, не я. Или по крайней мере, – неуверенно закончила она, – так это выглядело со стороны.

Она помахала облизанными пальцами:

– Передайте мне, пожалуйста, вон ту коробочку с салфетками, она у вас за спиной.

Я протянул ей коробочку. Она стерла с пальцев остатки липкого джема. У нее были светлые ресницы и розовая, типично английская кожа. И лицо, совершенно чуждое всякой застенчивости. Жизнь еще не успела расставить на нем свои верстовые столбы – для этого она была слишком молода, – однако видно было, что она одинаково чужда и цинизму, и нетерпимости. Практичная, разумная девушка.

– Я на самом деле не знаю, где они познакомились, – начала она, – знаю только, что где-то здесь, в Оксфорде. Я просто однажды возвращаюсь домой, а тут он, если вы понимаете, что я имею в виду. Они уже... ну... интересовались друг другом.

– Мм... – сказал я, – а вы с самого начала жили тут вместе с Дженни?

– Ну, более или менее. Мы же в школе вместе учились... Не знали? Ну вот, как-то раз мы встретились, и я ей сказала, что буду два года жить в Оксфорде, пока диссертацию пишу, а она спросила, а жить-то мне есть где, потому что она приглядела себе эту квартирку, но ей не хотелось жить одной... И короче, я поселилась здесь. Прямо так, с бухты-баракхты. Мы с ней в целом неплохо уживались.

Я посмотрел на пишущую машинку и следы творческих мук:

– Вы все время тут и работаете?

– Ну, либо тут, либо в Бодлианке... в библиотеке, в смысле... или в колледже, занимаюсь другими исследованиями... Я Дженни плачу за комнату... Не знаю, для чего я вам все это рассказываю.

– Нет-нет, все это может пригодиться.

Она встала:

– Может, вам имеет смысл посмотреть на все это барахло. Я просто все стащила в его комнату... в комнату Никки, с глаз долой. По правде сказать, это было слишком противно и мучительно.

Я снова пошел за ней по коридору, на этот раз дальше, в более широкий проход, который прежде явно был лестничной площадкой второго этажа.

– Вот, – говорила она, указывая на двери, – это комната Дженни. Это ванная. Здесь я живу. А вот тут, в конце коридора, жил Никки.

– А когда именно он исчез? – спросил я, шагая следом за ней.

– Когда именно? А кто его знает... В среду. В среду на позапрошлой неделе.

Она открыла белую крашеную дверь и вошла в комнату в конце коридора.

– Завтракал он вместе с нами, как обычно. Я пошла в библиотеку, а Дженни уехала поездом в Лондон, пройтись по магазинам, а когда мы обе вернулись, его уже не было. Просто исчез, и все. Дженни была в шоке. Рыдала в три ручья. Но конечно, мы тогда еще не знали, что он не только бросил ее, а еще и сбежал со всеми деньгами.

– А как вы об этом узнали?

– Дженни в пятницу пошла в банк оплатить счета и снять немного наличных, чтобы отправить посылки, а ей сказали, что счет закрыт.

Я огляделся. Толстый ковер на полу, комод времен короля Георга, просторная, удобная кровать, мягкое кресло, милые занавесочки в стиле Дженни, свежевыкрашенные белые стены. На самом большом куске свободного пространства высились составленные в две колонны шесть больших коробок из толстого картона – в целом комната выглядела как нежилая.

Я подошел к комоду, выдвинул ящик. Ящик был совершенно пуст. Я сунул туда руку, провел пальцами изнутри и вынул их совершенно чистыми – ни пылинки.

Луиза кивнула:

– Он вытер пыль. И все пропылесосил. Следы от щетки на ковре остались. И ванную помыл. Все прям сверкало. Дженни была так растрогана, что он прибрался... Пока не поняла, почему он не хотел оставлять следов.

– Я сказал бы, что это символично, – рассеянно заметил я.

– Что вы имеете в виду?

– Ну... Не то чтобы он боялся, что его разыщут по волосам или отпечаткам пальцев... просто он старался стереть все следы своего пребывания в этом доме. Чтобы не чувствовать, что он оставил тут часть себя. Я хочу сказать... если тебе хочется куда-то вернуться, ты подсознательно стараешься оставить там что-нибудь из своих вещей, «забываешь» их. Хорошо известный феномен. Так что если ты подсознательно, а не только сознательно не хочешь куда-то возвращаться, ты, возможно, постарайся сделать так, чтобы от тебя там даже пыли не осталось. – Я остановился. – Извините, не хотел вас утомлять скучными рассуждениями.

– Да нет, это не скучно.

– А где они спали? – спросил я как ни в чем не бывало.

– Тут. – Она опасливо заглянула мне в лицо и решила, что можно продолжать. – Она обычно сама сюда приходила. Ну... я же не могла ничего не знать. Почти каждую ночь. Не всегда.

– А он к ней никогда не ходил?

– Даже странно: я ни разу не видела, чтобы он заходил к ней в комнату. Даже днем. Если она была ему нужна, он стучался в дверь и звал ее.

– Ну, все сходится.

– Что, тоже символично?

Она подошла к пирамиде коробок и открыла верхнюю:

– Вот, тут все, почитайте сами и вы все поймете. Я уйду, просто не могу все это видеть. И вообще, мне лучше прибраться, а то вдруг Дженни вернется.

– А что, Дженни должна вернуться?

Она слегка склонила голову набок, услышав в моем голосе отзвук тревоги:

– Вы ее что, боитесь?

– А что, должен?

– Ну, она называла вас «скользким типом».

Это звучало бы оскорбительно, если бы не тень усмешки.

– Ну еще бы! – сказал я. – Нет, я ее не боюсь. Просто она меня... отвлекает.

– Дженни – супердевушка! – сказала она с внезапным жаром.

«Искренние дружеские чувства, – подумал я. – Демонстрация преданности. Немного вызова. Однако ведь и я женился на Дженни-супердевушке».

– Это правда, – ответил я ровным тоном.

Она постояла еще пару секунд, повернулась и вышла из комнаты. Я вздохнул и взялся за коробки. Я неловко ворочал их и радовался, что ни Дженни, ни Луиза этого не видят. Коробки были здоровенные, и хотя одна или две оказались не такими тяжеленными, как остальные, все равно двигать их при помощи электрического протеза было крайне неудобно.

В самой верхней лежали двухфутовые стопки белых, качественных листов стандартного формата, на которых было распечатано то, что выглядело как письмо, напечатанное на пишу-

щей машинке. Вверху каждого бланка красовалась внушительная шапка, в центре которой сиял золотом вытисненный герб. Я взял в руки одно из писем – и начал понимать, как вышло, что Дженни попала на эту удочку.

Над гербом была выдавлена надпись: «Исследования сердечно-сосудистых заболеваний», а под гербом: «Зарегистрированная благотворительная организация». Слева от тисненого герба перечислялись основные спонсоры, по большей части титулованные, а справа – сотрудники благотворительной организации, среди которых была и Дженнифер Холли, секретарь-референт. Под ее именем мелкими заглавными буквами был напечатан адрес оксфордской квартиры.

В самом письме не стояло ни даты, ни приветствия. Оно начиналось где-то в нижней трети листа, и говорилось в нем следующее:

Увы, в наши дни очень многие семьи на собственном опыте узнали о том, насколько серьезная вещь сердечно-сосудистые заболевания. Даже если эта болезнь не убивает, человек навсегда теряет возможность полноценно трудиться.

Многое уже сделано в области исследования причин и возможностей предупреждения этого бича современного человечества, однако многое еще только предстоит сделать. Исследования, финансируемые государством, по необходимости зависят от современного состояния экономики. Именно поэтому чрезвычайно важно обратиться к общественности с просьбой поддержать напрямую важные программы, которые на данный момент ведутся в частных лабораториях.

Однако мы понимаем, что многие отрицательно относятся к прямым просьбам о финансовой поддержке, сколь бы достойное дело им ни предлагали. Поэтому, чтобы поддержать «Исследования сердечно-сосудистых заболеваний», мы предлагаем Вам что-нибудь приобрести – по тому же принципу, что рождественские открытки, продажа которых поддерживает добрые дела во многих областях. Наши спонсоры, после длительного обсуждения, приняли решение предложить Вам самый качественный полироль, состав которого специально рассчитан на уход за старинной мебелью.

Полироль поставляется в банках по 250 граммов. Это качественный продукт, из ряда тех, которые используют профессиональные реставраторы и музейные работники. Если Вы захотите его приобрести, мы можем предложить Вам наш продукт по пять фунтов за банку. При этом Вы можете быть уверены, что минимум три четверти полученных доходов пойдут непосредственно на медицинские исследования.

Наш полироль принесет пользу Вашей мебели, Ваш вклад принесет пользу медицинским исследованиям, и, возможно, именно благодаря Вашей помощи мы продвинемся на шаг ближе к пониманию и обузданию смертельно опасных заболеваний.

Если Вы пожелаете принять участие в нашей программе, просим Вас выслать возмещение на указанный выше адрес. (Все чеки будут переданы в «Исследования сердечно-сосудистых заболеваний».) Вы в ближайшее время получите запас полироля, и будущие пациенты-сердечники всего мира будут Вам благодарны.

*С уважением,
секретарь-референт*

«Ну и ну!» – сказал я, сложил письмо и спрятал его в карман. Сперва разжалобить, потом предложить нечто полезное, и завуалированный намек, что, если вы не раскошелитесь, в один прекрасный день то же самое может случиться и с вами. Если верить Чарлзу, эта смесь работала эффективно.

Во второй коробке лежало несколько тысяч белых неподписанных конвертов. Третья оказалась наполовину заполнена письмами, написанными в основном от руки, на самых разных

видах писчей бумаги: все это были заказы на полироль, в которых, в числе прочего, говорилось о том, что «чек прилагается».

В четвертом ящике лежали отпечатанные заранее ответы, где говорилось, что «Исследования сердечно-сосудистых заболеваний» искренне благодарят за пожертвование и высылают запас полироля.

В пятой коробке, наполовину пустой, и в шестой, нераспечатанной и полной доверху, лежало множество плоских белых коробочек, размером шесть на шесть дюймов и два дюйма в высоту⁵. Я достал одну и заглянул внутрь. В коробочке лежала плоская жестянка без надписей, с плотно закручивающейся крышкой. Крышка оказала сопротивление, но в конце концов я ее все-таки открутил. В жестянке обнаружилась мягкая коричневая масса, которая в самом деле пахла полиролем. Я завинтил крышку, спрятал жестянку обратно в коробочку и оставил ее так, чтобы была под рукой.

Похоже, больше там ничего не было. Я заглянул во все щели в комнате, осмотрел подлокотники кресла – нет, ни единой булавки не завалилось.

Я забрал белую коробочку и медленно, тихо пошел обратно в сторону гостиной, открывая по пути все закрытые двери и заглядывая внутрь. В квартире было еще две комнаты, про которые Луиза ничего не сказала: это оказались чулан с бельем и небольшая комнатуха без мебели, где лежали чемоданы и разный хлам.

Комната Дженни выглядела чрезвычайно женственной: все сплошь розовое и белое, в пене тюля и оборок. В воздухе висел слабый аромат Дженни – фиалковый запах «Mille». К чему вспоминать, что первый пузырек этих духов подарил ей я давным-давно, в Париже? Слишком много воды утекло с тех пор! Я затворил дверь, оставив аромат внутри, и перешел в ванную.

Белая ванна. Огромные пушистые полотенца. Зеленый коврик, зеленые растения. Зеркала на двух стенах, много света и блеска. Никакие зубные щетки на виду не торчат: все аккуратно убрано в шкафчики. Очень в стиле Дженни. Мыло «Roger & Gallet».

Работа сыщика отучила меня от чрезмерной щепетильности. Я, почти не колеблясь, отворил Луизину дверь и заглянул внутрь, надеясь, что она не выйдет в коридор и меня не застукать.

«Рабочий беспорядок», – подумал я. Повсюду стопки бумаг и книги. Одежда, раскиданная по стульям. Кровать не застелена, – впрочем, это и неудивительно, я ведь ее разбудил.

Умывальник в углу, зубная паста без крышечки, сушащиеся колготки. Открытая коробка шоколадных конфет. Мелочи, раскиданные по комоду как попало. Высокая ваза с распускающимися ветками конского каштана. И никаких запахов. Эта комната только выглядела как помойка, на самом деле тут было чисто. Синий халат валялся на полу. В целом комната была обставлена примерно так же, как и комната Эйша. Сразу видно, где закончила Дженни и начала Луиза.

Я отодвинулся и закрыл дверь, оставшись незамеченным. Луиза сидела на полу в гостиной. Она взялась было за уборку, но не закончила, уткнувшись в книгу.

– А, это вы! – рассеянно сказала она, словно успела забыть о моем существовании. – Ну что, закончили?

– Должны ведь быть и другие бумаги, – сказал я. – Письма, счета, кассовые книги – вот это все.

– Их забрала полиция.

Я сел на диван напротив нее.

– А кто обратился в полицию? – спросил я. – Дженни?

Луиза наморщила лоб:

---

⁵ Примерно 15 × 15 см и 5 см в высоту.

– Нет. Кто-то пожаловался в полицию, что благотворительная организация не зарегистрирована.

– Кто?

– Не знаю. Кто-то получил такое письмо и решил проверить. Половины спонсоров, которые перечислены в шапке письма, просто не существует, а другие ни сном ни духом ничего не ведают.

Я поразмыслил и спросил:

– А что заставило Эйша смыться именно в тот момент?

– Мы не знаем. Возможно, кто-то еще и по телефону позвонил с жалобами. Так что он сбежал, пока была возможность. Его не было уже неделю, когда пришла полиция.

Я положил на журнальный столик квадратную белую коробочку.

– Откуда брался этот полироль? – спросил я.

– В какой-то фирме закупали... Дженни отправляла заказы, и его доставляли прямо сюда.

Никки знал, где брать.

– А где бланки заказов?

– Их забрала полиция.

– А эти письма с просьбами о вспомоществовании – их кто печатал?

Она вздохнула:

– Ну Дженни, конечно. У Никки были другие, точно такие же, только в них стояло его имя там, где на этих имя Дженни. Он объяснял, что теперь не имеет смысла рассылать письма с его подписью и адресом, потому что он переехал. Он, видите ли, заботился о том, чтобы дело не стояло...

– Ну а то как же! – сказал я.

Она чуточку рассердилась:

– Ага, вам-то хорошо насмехаться! Вы с ним не встречались. Вы бы ему тоже поверили, точно так же как и мы.

Я промолчал. Кто его знает, может, и поверил бы.

– Все эти письма, – сказал я. – Кому их рассылали?

– У Никки были списки имен и адресов. Тысячи имен и адресов.

– А они у вас остались, списки эти?

Она вздохнула:

– Нет, он их с собой забрал.

– А что это были за люди?

– Это были такие люди, у которых имеется старинная мебель и которым ничего не стоит отдать пятерку на благотворительность.

– А он не говорил, где он взял эти списки?

– Говорил, – ответила Луиза. – В офисе благотворительной организации.

– А кто надписывал и рассылал письма?

– Конверты печатал Никки. Да, можете не спрашивать, на моей машинке. Он очень быстро печатал. По несколько сотен в день. Дженни подписывала письма своим именем, а я их обычно складывала и прятала в конверты. У нее часто сводило кисть оттого, что приходилось так много писать, и Никки ей иногда помогал.

– Подписывался ее именем?

– Ну да. Он копировал ее подпись. Он тысячу раз это делал. С виду было просто не отличить.

Я молча смотрел на нее.

– Да знаю я, знаю! – сказала Луиза. – Мы сами виноваты. Но понимаете, с ним весь этот тяжкий труд по рассыланию писем казался таким веселым! Как игра. Он непрерывно шутил. А,

вам не понять! А потом, когда начали приходить чеки, стало очевидно, что дело стоит наших усилий.

– Кто рассылал полироль? – угрюмо спросил я.

– Адреса на наклейках печатал Никки. Я помогала Дженни клеить их на коробки, запечатывать коробки скотчем и носить их на почту.

– А Эйш с вами не ходил?

– Нет, он был занят, он печатал... Мы их на почту возили в таких сумках на колесиках.

– Ну а чеки? Я так понимаю, что все оплачивала сама Дженни?

– Да.

– И долго все это длилось? – спросил я.

– Пару месяцев после того, как мы отпечатали письма и привезли полироль.

– А много было этого полироля?

– Ой, кучи, по всему дому. Его привозили в этих здоровенных картонных коробках, по шестьдесят штук в каждой, уже упакованным. Вся квартира была им заставлена. На самом деле, под конец Дженни собиралась заказать еще, а то он у нас почти кончился, но Никки сказал, пока не надо, мол, сперва разошлем остатки, а потом устроим перерыв, прежде чем снова взяться за дело.

– То есть он в любом случае рассчитывал свернуть лавочку, – сказал я.

– Ну да, – нехотя сказала Луиза.

– И сколько денег Дженни отнесла в банк? – спросил я.

Луиза посмотрела исподлобья:

– Где-то тысяч десять. Может, чуть побольше. Некоторые же присылали намного больше пяти фунтов. Пара человек прислали по сотне и написали, что полироль им не нужен.

– Даже не верится.

– Деньги просто хлынули. Чеки и до сих пор поступают. Но теперь их с почты относят прямиком в полицию. Они уже замучились отсылать их обратно.

– А как насчет той коробки с письмами в комнате Эйша, где сказано, что «чек прилагается»?

– А это все люди, чьи деньги были положены в банк и которым отправили полироль.

– Полиции эти письма негодились?

Луиза пожала плечами:

– Во всяком случае, забирать их они не стали.

– Вы не против, если я их заберу?

– Да, пожалуйста.

Я сходил за коробкой с письмами, бросил ее у входной двери, потом вернулся в гостиную, чтобы задать еще один вопрос. Луиза снова уже погрузилась в книжку и отвлеклась на меня без энтузиазма.

– А как Эйшу удалось снять деньги со счета?

– Он принес в банк напечатанное на машинке письмо с подписью Дженни, где говорилось, что она хочет забрать деньги, чтобы вручить их благотворительной организации наличными на ежегодном торжественном обеде, и подписанный Дженни чек на все деньги до последнего пенни.

– Но ведь она же не...

– Нет. Это все он. Но я видела это письмо и чек. Банк передал их полиции. Ни за что не скажешь, что это не почерк Дженни. Сама Дженни и то отличить не может.

Она грациозно поднялась на ноги, оставив книгу на полу.

– Ну, вы уже все? – с надеждой спросила она. – А то у меня столько работы... Я сильно выбилась из графика из-за Никки.

Она прошла мимо меня в коридор, но, когда я вышел следом за ней, она вывалила на меня еще одну неприятную новость:

– Банковские служащие Никки не помнят. Они привыкли каждый день выдавать наличные тысячами на зарплату: в Оксфорде очень много предприятий. Они помнили, что с этого счета снимала деньги Дженни, а до момента, когда полиция явилась с расспросами, прошло дней десять или даже больше. Никки там вообще никто не запомнил.

– Профессионал, – сухо сказал я.

– Боюсь, что да, судя по всему.

Она открыла дверь, я наклонился и неуклюже поднял коричневую картонную коробку, стараясь не уронить белую коробочку, которую пристроил сверху.

– Спасибо за помощь, – сказал я.

– Давайте я вам коробку вниз отнесу.

– Сам управлюсь.

Она заглянула мне в глаза:

– Да уж конечно. Гордость-то куда денешь?

Она решительно отобрала у меня коробку и направилась вниз. Я пошел следом, чувствуя себя идиотом. Мы спустились на площадку перед домом.

– Вы на машине? – спросила она.

– Машина за домом, но...

С тем же успехом можно было спорить с морским приливом. Я поплелся за ней, махнул рукой в сторону своего «скимитара»⁶, открыл багажник. Она плюхнула коробки внутрь, я закрыл багажник.

– Спасибо, – повторил я. – За все.

В ее глазах снова появился намек на улыбку.

– Если вспомните еще что-нибудь, что могло бы помочь Дженни, – сказал я, – дайте мне знать, ладно?

– Оставьте мне адрес.

Я выудил из внутреннего кармана визитную карточку и протянул ей:

– Там все есть.

– Хорошо.

Она ненадолго застыла с выражением на лице, которое мне не удалось истолковать.

– Знаете что? – сказала она. – По сравнению с тем, что рассказывала Дженни... В общем, я вас себе совсем не так представляла.

---

⁶ «Scimitar» – спортивная машина британской фирмы «Reliant».

Глава 5

Из Оксфорда я поехал на запад, в Глостершир, и прибыл на конеферму Гарви в почтенное, вполне подходящее для воскресных визитов время – в половине двенадцатого.

Том Гарви стоял во дворе конюшни и разговаривал с конюхом. Как только я затормозил, он стремительными шагами направился в мою сторону.

– Сид Холли! – воскликнул он. – Вот это сюрприз! Чего тебе надо?

Я скривился в открытое окно машины:

– Ну почему, как только люди меня видят, сразу думают, будто мне чего-то надо?

– Ну а как же иначе, а? Лучшая ищейка в нашем деле – это все говорят. Даже мы, деревенские олухи, наслышаны про тебя, наслышаны даже тут, в нашей глухомани!

Я улыбнулся, вылез из машины и пожал руку шестидесятилетнему прохиндею. Тому Гарви до «деревенского олуха» было не ближе, чем от мыса Горн до Аляски. Здоровенный бычара, исполненный неколебимой уверенности в себе, с зычным властным голосом и прындрливой цыганской натурой. Его рука, которую он мне протянул, была жесткой, как его деловые повадки, и сухой, как его манеры. С людьми он был суров, с лошадьми нежен. Бизнес его процветал, и если я лично поверил бы в чистоту родословной каждого жеребенка на конюшне только после тщательного анализа крови, то я, вероятно, все же был в меньшинстве.

– Ну так что, Сид, за кем охотишься? – спросил Гарви.

– Кобылку одну повидать приехал, Том. Говорят, она у тебя стоит. Так, из интереса.

– Да ну? Которую же?

– Бетесду.

Усмешка Тома мгновенно исчезла, как не бывало. Он сощурился и резко спросил:

– А что Бетесда?

– Ну... Вот скажем: она у тебя жеребилась?

– Бетесда пала.

– Что-о?!

– Что слышал. Пала Бетесда. Пошли-ка лучше в дом.

Он развернулся и зашагал прочь, хрустя гравием. Я пошел следом. Дом у Тома был старый, темный и душный. Вся его жизнь была сосредоточена снаружи – в левадах, денниках и маточниках. А внутри стояла тишина, гулко тикали массивные часы, и не было даже намека на воскресное жаркое.

– Сюда.

Это было нечто среднее между столовой и конторой: в одном конце массивный старый стол и стулья, в другом – шкафы с папками и продавленные кресла. Никаких попыток навести марфет, чтобы угодить клиентам. Все покупки делались снаружи, с копыт.

Том привалился к письменному столу, я сел на подлокотник одного из кресел. Не тот был разговор, чтобы рассиживаться с удобствами.

– Ну, выкладывай, – сказал Том, – с чего тебе вздумалось расспрашивать про Бетесду?

– Просто хотелось узнать, что с нею стало.

– Не надо со мной так, приятель. Ты бы не прикатил сюда ко мне просто так, из интересу. Зачем тебе нужно это знать?

– Клиент хочет выяснить, – сказал я.

– Что за клиент?

– Если бы я работал на тебя, – сказал я, – и ты меня попросил держать язык за зубами, ты бы рассчитывал, что я всем разболтаю?

Он смерил меня недовольным, пристальным взглядом:

– Нет, приятель. Пожалуй, не рассчитывал бы. Ну и насчет Бетесды – думаю, это не секрет. Она умерла родами. И жеребенок тоже. Это должен был быть жеребчик. Но он был мелковат.

– Очень жалко, – сказал я.

Он пожал плечами:

– Ничего, бывает. Хотя и нечасто. Сердце у нее не выдержало.

– Сердце?

– Ага. Понимаешь, жеребенок шел не тем концом, и кобыла тужилась дольше, чем следовало. Жеребенка-то мы у ней внутри развернули, когда поняли, что дело плохо, но она вдруг взяла да и рухнула. Мы ничего и сделать не могли. Посреди ночи, разумеется, как оно обычно и бывает.

– А ветеринара не вызывали?

– Да был у нас вет, рядом стоял. Я его вызвал сразу, как мы увидели, что у нее началось, потому что был шанс, что дело обернется плохо. Первый жеребенок, шумы в сердце, все такое.

Я слегка нахмурился:

– А у нее что, были шумы в сердце, когда ее к тебе привезли?

– Были, конечно! Потому ее и со скачек сняли. Да ты, приятель, о ней ничего не знаешь, что ли?

– Нет, не знаю, – ответил я. – Расскажи.

Он пожал плечами:

– Она стояла у Джорджа Каспара, само собой. Владелец хотел от нее жеребят, исходя из результатов, которые она показывала в два года, поэтому мы ее свели с Тимберли. Должен был получиться неплохой спринтер, но вот видишь, человек предполагает... и все такое.

– А когда она пала-то?

– Да с месяц назад, наверно.

– Ну что ж, Том, спасибо. – Я встал. – Спасибо, что уделил мне время.

Он оттолкнулся от стола:

– Эх оно жизнь-то обернулась, а? Ездишь, вопросыки задаешь... Как-то оно не вяжется с прежним Сидом Холли, который так ловко брал препятствия.

– Все меняется, Том.

– Ну да, наверно... Но могу поспорить, тебе всего этого не хватает – вот этого рева трибун, когда заходишь на последнее препятствие и твой конь его берет, да? – Его лицо светилось былым восторгом. – Ей-богу, приятель, вот это было зрелище! Как ты тогда... даже не представляю, как ты это сумел!

Наверно, он это говорил из самых лучших побуждений, но мне отчаянно хотелось, чтобы он заткнулся.

– Да, конечно, не повезло тебе с рукой-то. Но стипль-чез – дело такое. Кто спину ломает, кто еще чего... – Мы двинулись к двери. – Кто пошел в скачки с препятствиями, тот пошел на риск.

– Точно подмечено, – сказал я.

Мы вышли на улицу и направились к моей машине.

– Но я смотрю, ты недурно управляешься с этой штуковиной, а, приятель? Машину водишь, все такое.

– Да, все нормально.

– Ага.

Он знал, что все совсем не нормально. Он хотел дать понять, что он мне сочувствует, и старался как мог. Я улыбнулся ему, сел в машину, помахал на прощание и уехал.

В Эйнсфорде все сидели в гостиной и пили херес перед обедом: Чарлз, Тоби и Дженни.

Чарлз налил мне стаканчик сухого хереса, Тоби смерил меня взглядом, как будто я только что вылез из свинарника, а Дженни сообщила, что говорила по телефону с Луизой.

– Мы уже думали, что ты сбежал. Ты от нее два часа назад уехал.

– Сид не из тех, кто сбегает, – сказал Чарлз, словно сообщая всем известный факт.

– Ну, уковылял, – сказала Дженни.

Тоби ехидно ухмыльнулся, глядя на меня поверх своего стакана, – самец, торжествующий из-за того, что сумел отбить самку у другого самца. Интересно, он хоть понимает, до какой степени Дженни была привязана к Николасу Эйшу? Или ему все равно?

Я пригубил херес – сухой, кисловатый вкус, как нельзя более подходящий к ситуации. Укус подошел бы еще лучше.

– Где вы покупали весь этот полироль? – спросил я.

– Я не помню.

Дженни говорила отчетливо, выговаривая каждый слог: мол, не хочу и не буду.

– Дженни! – воскликнул Чарлз.

Я вздохнул:

– Чарлз, в полиции есть бланки заказа, на которых указаны название и адрес фирмы, торгующей полиролем. Вы не могли бы попросить вашего друга Оливера Квейля отправить в полицию запрос об информации и переслать ответ мне?

– Сделаю! – сказал Чарлз.

– Лично я не вижу, – произнесла Дженни все тем же тоном, – каким образом сведения о том, кто продает этот полироль, могут хоть на что-то повлиять.

Похоже, Чарлз в глубине души был с ней согласен. Я не стал ничего объяснять. Тем более велика вероятность, что они правы.

– Луиза говорит, ты там копался целую вечность.

– Луиза мне понравилась, – мягко заметил я.

Носик Дженни, как всегда, выдал ее недовольство.

– Она тебе не ровня, Сид, – заметила она.

– В чем именно?

– По части мозгов, мой дорогой.

– Кто-нибудь хочет еще хереса? – мягко вмешался Чарлз и, взяв графин, принялся снова наполнять стаканы. Мне он сказал: – Насколько я знаю, Луиза в Кембридже была лучшей по математике. Мне случалось играть с нею в шахматы... ты бы без труда ее обыграл.

– Можно быть гроссмейстером, – сказала Дженни, – и при этом тупым одержимым параноиком.

Дальше был обед, прошедший в такой же приятной атмосфере, а потом я поднялся наверх и принялся складывать свои немногочисленные пожитки в чемодан. Пока я этим занимался, в комнату вошла Дженни и принялась за мной наблюдать.

– Ты почти не пользуешься этой рукой, – сказала она.

Я промолчал.

– Вообще не понимаю, зачем она тебе.

– Дженни, хватит.

– А если б ты сделал, как я просила, и бросил эти свои скачки, ты не остался бы без руки!

– Наверно, да.

– У тебя была бы нормальная кисть, а не какой-то огрызок... культя дурацкая!

Я швырнул в чемодан пакет с умывальными принадлежностями – несколько сильнее, чем следовало.

– Но для тебя важнее были скачки. Скачки, скачки, скачки! Спорт, победы, слава! А для меня у тебя места не нашлось. Так тебе и надо! Мы бы и теперь были женаты... у тебя была бы

нормальная рука... – если бы ты бросил свои драгоценные скачки, когда я об этом просила! Но чемпионство для тебя важнее!

– Мы все это уже двадцать раз обсуждали, – сказал я.

– А теперь у тебя ничего не осталось. Ничего! Надеюсь, ты доволен.

Зарядное устройство стояло на комод, в нем торчали два аккумулятора. Она выдрала вилку из розетки и шваркнула зарядку на кровать. Аккумуляторы выпали из гнезд и остались лежать на покрывале вперемешку с зарядкой и проводом от нее.

– Гадость! – сказала она, глядя на них. – Меня прямо тошнит от всего этого!

– А я привык.

Ну, в какой-то мере.

– Да тебе, по-моему, все равно!

Я промолчал. Нет, мне было не все равно.

– Что, Сид, нравится тебе быть калекой?

Нравится... Господи Иисусе!

Она направилась к двери. Я остался стоять, глядя на зарядку. В дверях она остановилась. Я скорее почувствовал это, чем увидел, и тупо спросил себя, что же еще она может мне сказать.

С другого конца комнаты отчетливо донесся ее голос:

– Никки носит нож в носке!

Я быстро повернул голову. Она смотрела на меня с вызовом – и с ожиданием.

– Это правда? – переспросил я.

– Ну, иногда.

– Мальчишество, – сказал я.

Она разозлилась.

– Ну да, а носиться верхом, зная – *зная!* – что впереди ждут боль и сломанные кости, это так по-взрослому, да?

– Ты не думаешь о том, что это может случиться с тобой.

– И всегда ошибаешься.

– Я перестал это делать.

– Но делал бы, если б мог!

На это мне возразить было нечего: мы оба знали, что это правда.

– Посмотри ты на себя! – сказала Дженни. – Что ты сделал, когда тебе пришлось уйти из скачек? Выбрал себе нормальную, спокойную профессию биржевого маклера – а ведь ты же в этом разбираешься! – и зажил наконец, как нормальный человек? Нет! Даже и не подумал! Ты немедленно нашел себе другое дело, где то драки, то побои, то какие-то безумные разборки! Ты просто не можешь жить без опасности, Сид. У тебя зависимость. Ты, может, думаешь, что никакой зависимости нет, но это как наркотик. Попробуй представить себе, что ты работаешь в офисе с девяти до пяти, каждый день встаешь и едешь на работу, как любой разумный человек, и ты сразу поймешь, что я имею в виду.

Я подумал об этом – и ничего не сказал.

– То-то и оно! – подытожила Дженни. – В офисе ты просто сдохнешь!

– А нож в носке, значит, безопаснее? – спросил я. – Я ведь был жокеем, когда мы познакомились. Ты понимала, что это значит.

– Я не знала этого изнутри! Все эти жуткие ушибы, ссадины, ни пить ни есть, и, черт возьми, никакого секса половину времени!

– Он тебе показывал этот нож или ты просто случайно увидела?

– А какая разница?

– Он просто мальчишка – или в самом деле опасен?

– Вот оно! – сказала Дженни. – А тебе хочется, чтобы он был опасен, да?

– Ради тебя – нет, не хочется.

– Ну... я случайно увидела. Он его носит в небольших ножнах, пристегнутых к шиколотке. Он свел это в шутку.

– Однако ты мне об этом сказала. Это предупреждение?

Она, похоже, вдруг растерялась, будто сама не знала. Постояла, помолчала, потом нахмурилась и ушла прочь по коридору.

Если это была первая брешь в ее снисходительности к своему ненаглядному Никки – тем лучше.

Во вторник утром я заехал за Чико, и мы поехали на север, в Ньюмаркет. День выдался ветреный, яркое солнце сменялось ливнями, было довольно холодно.

– Ну и что, как дела у тебя с женой?

Чико виделся с ней всего один раз и описывал ее как «незабываемую». Его тон давал понять, что «незабываемость» бывает разная.

– У нее проблемы, – сказал я.

– Залетела?

– Знаешь, бывают и другие проблемы.

– Правда?

Я рассказал ему про мошенничество, про Эйша, про нож в носке.

– Взяла и нырнула в дерьмо, – сказал Чико.

– С головой.

– А за то, что мы ее вытащим и отряхнем, нам заплатят?

Я молча покосился на него.

– Понятно, – сказал он. – Я так и думал. Опять, стало быть, за спасибо работаем? Хорошо еще, что у тебя, Сид, хватает денег оплачивать мою работу. Что это с тобой в нынешнем году? Ты заработал состояние с Рождества?

– Клад нашел. Серебряный. И какао. Покупал и перепродавал.

– Какао? – недоверчиво переспросил он.

– Бобы. Шоколадные.

– Батончики с орешками?

– Без орешков. Орешками торговать рискованно.

– Не понимаю, где ты на все это время берешь.

– С барменшами не болтаю, вот время и находится.

– И на кой тебе вообще столько денег?

– Привычка, – сказал я. – Вроде как подкрепляться.

Так, в дружеской болтовне, мы доехали почти до самого Ньюмаркета. Там свернулись с картой, порасспрашивали местных и наконец прибыли на невероятно ухоженную конеферму Генри Трейса.

– Прощупай конюхов, – сказал я.

Чико ответил «ага», и мы вылезли из машины на гравийную дорожку без единой травинки. Я оставил Чико и отправился на поиски Генри Трейса. Уборщица у входа в дом сказала, что он «в офисе у себя, вон там, направо». Так и оказалось: он сидел в кресле и крепко спал.

Мой приход его разбудил, и очнулся он мгновенно и полностью, как человек, привычный к тому, чтобы его будили по ночам. Моложавый, очень цивилизный, прямая противоположность грубому, жесткому, коварному Тому Гарви. По первому впечатлению для Трейса коневодство – это прежде всего серьезный бизнес, а возня с кобылами – это так, для людей низшей касты. Однако же первые его слова опровергли это мнение.

– Извините... Полночи на ногах провел. Простите, а вы, собственно, кто? Мы с вами договаривались о встрече?

– Нет. – я покачал головой. – Я просто надеялся с вами поговорить. Я Сид Холли.

– В самом деле? А вы, случайно, не родственник... Господи помилуй! Вы тот самый Сид Холли!

– Тот самый.

– Чем могу служить? Хотите кофе? – Он протер глаза. – Миссис Эванс сварит...

– Да не надо, разве что вы сами...

– Нет, не буду. Давайте сразу по делу. – Он взглянул на часы. – Десяти минут вам хватит?

А то у меня встреча в Ньюмаркете.

– Да у меня, собственно, никакого особенного дела и нет, – сказал я. – Я просто заехал узнать, как себя чувствуют два жеребца, которые у вас стоят.

– А-а-а! Какие именно?

– Глинер, – сказал я. – И Зингалу.

Мне снова пришлось объяснять, зачем мне это знать и почему, собственно, он должен мне это сообщать, но в конце концов Трейси, как и Том Гарви, пожал плечами и сказал, что можно и рассказать.

– Наверно, мне не следует так говорить, но на вашем месте я бы не советовал своим клиентам приобретать их в долю, – сказал он, приняв как само собой разумеющееся, что это и есть настоящая цель моего приезда. – Возможно, они оба не сумеют покрыть положенное количество кобыл, хотя им всего по четыре года.

– Почему же это?

– Сердце у обоих плохое. Быстро выдыхаются от серьезных физических нагрузок.

– Оба?

– Оба. Потому что они и завершили спортивную карьеру в три года. И я так понимаю, что с тех пор стало только хуже.

– А мне вроде бы говорили, что Глинер хромает, – заметил я.

Генри Трейс уныло кивнул:

– У него в последнее время развился артрит. В этом городишке совершенно ничего не скроешь!

На столе оглушительно зазвонил будильник. Генри протянул руку и выключил его:

– Боюсь, мне пора. – Он зевнул. – В это время года я практически сплю не раздеваясь...

Он достал из стола бритву на батарейках и вступил в бой со щетиной.

– Ну что, Сид, у вас все?

– Да, – сказал я. – Спасибо.

Чико захлопнул дверцу машины, и мы поехали в город.

– Проблемы с сердцем, – сказал он.

– Проблемы с сердцем.

– Прямо эпидемия какая-то, а?

– Давай еще спросим Бразерсмита, ветеринара.

Чико прочел его адрес: ветеринар обитал на Миддлтон-роуд.

– А, знаю это место! Это дом старика Фоллета. Это был наш старый ветеринар, он был еще жив, когда я тут работал.

Чико ухмыльнулся:

– Даже странно представлять тебя сопливым учеником, которого шпыняет главный конюх!

– И руки в дыпках.

– Это делает тебя почти человеком!

В Ньюмаркете я провел пять лет, с шестнадцати до двадцати одного года. Учился ездить верхом, учился соревноваться, учился жить. Мой старый шеф был славный малый, я каждый день видел вблизи его жену, его образ жизни, его манеру вести дела и мало-помалу превра-

щался из уличного пацана в нечто куда более приличное. Он научил меня обращаться с деньгами, которые я вскоре начал зарабатывать в больших количествах, и сделал так, что деньги меня не испортили. А когда он выпустил меня на волю, я обнаружил, что приобрел статус человека, прошедшего обучение у него на конюшне, и что этот статус дорогого стоит. Да, с шефом мне тогда повезло, повезло мне и с тем, что я много лет занимался любимым делом и добивался высших успехов, – ну а если однажды удача иссякла, что ж тут поделаешь.

– Что, вспоминаешь былые годы? – спросил Чико.

– Ага.

Мы миновали просторную Пустошь, ипподром, и въехали в городок. Лошадей вокруг было не так много – только вдалеке мелькнула вереница припозднившихся всадников, возвращающихся с тренировки домой. Я прокатил по знакомым улочкам и остановился перед домом ветеринара.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.